

ДАНИЭЛЛА
РОЛИНС

Украденное

Время

*Их разделяли сотни лет.
Судьба свела их вместе.*

Темные звезды

Даниэлла Роллинс

Украденное время

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Роллинс Д.

Украденное время / Д. Роллинс — «Эксмо», 2019 — (Темные звезды)

ISBN 978-5-04-109701-1

1913 год. Шестнадцатилетнюю Дороти выдают замуж за богатого незнакомца. Но девушка идет против воли матери и сбегает со свадьбы. Она случайно встречает Эша, который прибыл из будущего. Ни о чем не догадывающаяся Дороти тайно пробирается на его самолет, чтобы оказаться подальше от прежней жизни. Так она неожиданно попадает в мир Эша. 2077 год. Города разрушены и затоплены, мир находится на грани уничтожения. Только Эш и несколько смельчаков не оставляют надежды все исправить. Они раз за разом отправляются в прошлое, чтобы изменить ход событий. Дороти решает помочь новым друзьям. Но какая роль ей уготована в этом путешествии?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-109701-1

© Роллинс Д., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Часть 1	6
1. Дороти	6
2. Эш	11
3. Дороти	12
4. Эш	17
5. Дороти	26
6. Эш	35
7. Дороти	38
8. Эш	40
9. Дороти	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Даниэлла Роллинс

Украденное время

Danielle Rollins
Stolen Time

© 2019 by Danielle Rollins

Jacket art © 2019 by Vault49

© Самарина А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*Посвящается всем ученым, с которыми меня свела судьба,
а в особенности Биллу Роллинсу, Томасу ван де Каслу и Рону
Уильямсу, чьими стараниями я произвожу впечатление человека,
который понимает, о чем говорит.*

Часть 1

Сегодня мы пришли к тому, что возможности межгалактических перелетов и путешествий во времени никак нельзя исключать. И то и другое способно вызвать серьезные логические противоречия, так что давайте надеяться, что в мире и впрямь действует закон о защите хронологии, который не даст никому вернуться в прошлое и умертвить собственных предков.

Стивен Хокинг

1. Дороти

7 июня, 1913 год, неподалеку от Сиэтла

Гребень сверкнул в лучах утреннего солнца. Черепаховый, щедро украшенный перламутром, он был поистине изысканной вещицей, а его зубцы блеском своим не уступали чистейшему золоту. Гребень не шел ни в какое сравнение с дешевой бижутерией, рассыпанной по туалетному столику.

Дороти сделала вид, будто сосредоточенно выдергивает торчащую из рукава нитку. Если повезет найти для гребня состоятельного покупателя, есть шанс выручить аж полсотни!

Терпение девушки уже начало истончаться, и она недовольно заерзала на месте. Если бы только на поиск покупателя еще оставалось *время*! Часы уже давно пробили девять. Сегодня они явно не на ее стороне.

Дороти перевела взгляд с гребня на огромное зеркало, прислоненное к стене напротив нее. Сквозь окно церкви в комнату косыми лучами пробивался свет, отбрасывая на зеркальную гладь блики и высвечивая то тут, то там столпы пыли. На вешалках комнаты для переодевания трепетали шелковые платья и кружевные ленточки. Вдалеке загрохотал гром, что было, прямо скажем, странновато.

В этих краях грозы случались редко, хотя небо постоянно было свинцовым и пасмурным (одна из причин, по которой Дороти терпеть не могла Западное побережье).

Парикмахерша поймала ее взгляд в зеркале и смущенно спросила:

– Ну как, мисс, вам нравится?

Дороти склонила голову. Ее непослушные каштановые кудри, покорившиеся умелым рукам, были уложены в элегантный пучок на затылке, а сама она казалась теперь безропотной и смиренной. Неудивительно, что парикмахерша выбрала именно такую прическу.

– Чудесно! – солгала она. Губы пожилой дамы тронула улыбка, а на лице проступили морщинки. Дороти и предположить не могла, что парикмахерша так обрадуется. Внутри вспыхнуло чувство вины.

Девушка затряслась в приступе притворного кашля.

– Можно воды?

– О, конечно, моя милая! Сейчас! – Парикмахерша положила гребень и торопливо направилась в дальний угол комнаты, где на маленьком столике стоял хрустальный графин.

Стоило ей отвернуться, как Дороти быстрым и непринужденным движением спрятала золотой гребень в рукаве. Наблюдай кто за ней в тот момент, его непременно отвлекла бы вереница изысканных жемчужных пуговиц, которыми был расшит край рукава Дороти, и он все равно ничего бы не заметил.

Дороти опустила руку и улыбнулась собственным мыслям, позабыв про всякий стыд. Повод для гордости был сомнительным, но она ничего не могла с собой поделать. Дороти восхитилась собственной ловкостью. Недаром она столько тренировалась.

Сзади скрипнула половица, и кто-то незнакомый приказал:

– Мари, оставьте нас на минутку!

От улыбки Дороти не осталось и следа, а все мышцы напряженно застыли, точно плотно закрученные гайки. Парикмахерша – а именно к ней обратился голос – замерла на ходу со стаканом воды в руке, и несколько капель тут же выплеснулось на пол.

– О! Мисс Лоретта! Простите, не видела, как вы вошли, – сказала Мари, а потом улыбнулась и кивнула, устремив взгляд на миниатюрную, безупречно одетую женщину, вошедшую в комнату. Дороти так крепко стиснула зубы, что аж челюсть заболела. Ей вдруг стало страшно оттого, что под рукавом можно было различить очертания гребня.

На Лоретте было черное платье, украшенное изысканными золотистыми кружевами. Высокий воротник и длинные рукава придавали ей сходство с удивительно элегантным пауком. Такой наряд больше подходил для похорон, чем для свадьбы.

На лице Лоретты застыло учтивое выражение, но ее появление в комнате заметно сгустило воздух, точно она принесла с собой какое-то особое, собственное гравитационное поле. Мари поставила стакан и поспешно удалилась в холл. Было видно, что ей страшно. Впрочем, мать Дороти наводила ужас на большинство людей.

Дороти тайком разглядывала изуродованную руку матери, стараясь ничем себя не выдать. Рука была непропорционально маленькой, с иссохшими, слабыми пальцами, кривыми, точно когти хищной птицы. Лоретта давно уже не стригла ногти и никак не боролась с их желтизной, точно хотела лишний раз подчеркнуть свой недостаток. Точно ей было приятно, когда люди в ужасе отворачивались, заметив ее уродство. Даже Дороти тяжело было примириться с маленькой изувеченной рукой, а ведь Лоретта – ее мать! Но сейчас она уже привыкла.

Дороти опустила голову и прикрыла глаза. По коже, под изысканным кружевом и оборками, пробежал холодок. Не обращая на него никакого внимания, девушка изобразила учтивую улыбку. За шестнадцать лет своей жизни она превосходно овладела умением игнорировать свои чувства и ощущения и уже почти позабыла, для чего они нужны.

«Красота обезоруживает», – вспомнился ей первый урок, который преподавала ей мать. Уже с девятилетнего возраста Дороти без конца одергивали и поправляли, наряжали в тесные корсеты, щипали ей щеки, чтобы придать им румянца.

– Как тебе моя прическа? – поинтересовалась она, проведя рукой по густым волнам волос. – Божественно, правда?

Лоретта окинула дочь ледяным взглядом, и губы Дороти нервно дрогнули. Проворачивать подобные фокусы с матерью было глупо, но девушка всем сердцем хотела избежать ссоры. День и так предстоял непростой.

– Кажется, кто-то тут от жажды умирал, – заметила Лоретта и здоровой рукой взяла стакан с водой. Морщинистые пальцы задрожали. Сторонний наблюдатель непременно решил бы, что ей тяжело держать стакан, и предложил бы помощь.

Дороти напряженно вытянулась и наклонилась за стаканом. Она подозревала, что матушка способна на такие уловки, но все равно не успела среагировать, когда когтистые пальцы матери нырнули к ней в рукав и достали из тайника дорогой гребень.

Рука была своего рода тайным оружием Лоретты. Маленькая и проворная, уродливая настолько, что так и хотелось отвести взгляд, она двигалась так ловко и быстро, что люди не замечали, как она ныряла к ним в карманы или бумажники. Неслучайно второй урок, который преподавала Лоретта своей дочери, был таким: «В слабостях есть сила». Люди недооценивают сломленных и изувеченных.

Лоретта швырнула гребень на столик и вскинула тонкую бровь. На лице Дороти проступило крайнее изумление.

– Понятия не имею, как он там оказался, – заявила она и отпила воды.

– Мне что, тебя всю обыскать? А то вдруг ты еще что стащила, – сказала мать таким спокойным голосом, что по спине у Дороти опять побежали мурашки. Под шелковым поясом она припрятала набор безумно дорогих отмычек, которые выкрала из материнского ящика с бельем. Лишиться гребня – полбеда, но отмычки ей точно еще пригодятся.

К счастью, Лоретта не стала воплощать в жизнь свои угрозы. Она сняла с вешалки у зеркала фату Дороти – длинную, полупрозрачную, украшенную маленькими шелковыми цветами. Все утро Дороти старательно делала вид, будто этой фаты вообще не существует.

– И о чем ты только думала? – поинтересовалась Лоретта вкрадчивым, осторожным тоном, каким всегда разговаривала в минуты крайней ярости. – Украсть такую вещь перед собственной свадьбой! Встань, будь так любезна!

Дороти поднялась. пышные юбки распрямились, скрыв ее лодыжки. Она еще не успела обуться и теперь чувствовала себя маленькой девочкой, влезшей в мамино свадебное платье, чтобы поиграть в бал. Впрочем, сравнение было глупым. С малых лет играть ей строго-настрого запрещалось.

– Что бы мы стали делать, если б тебя сцапали? – продолжила Лоретта, покрывая голову дочери фатой и закрепляя ткань шпильками.

– Никто ничего не видел, – ответила Дороти. Шпилька больно царапнула кожу, но она даже не поморщилась. – Я всегда все делаю незаметно.

– Но *я-то* все видела.

Дороти поджала губы, чтобы не разжигать спор. Мать никак не могла быть свидетельницей кражи гребня. Она догадалась, что Дороти его спрятала – но ничего *не видела*.

– Ты поставила все наши старания под угрозу! Ради какой-то дурацкой безделушки! – сказала Лоретта и затянула потуже шелковый пояс на талии Дороти. Та мигом почувствовала, как отмычки сменили положение.

Эта самая «безделушка» помогла бы ей добыть билет на поезд, чтобы уехать из этого жуткого города. Сбежать отсюда как можно дальше еще до начала церемонии.

Дороти сглотнула, силясь погасить вспыхнувшее внутри разочарование. Будут и другие безделушки. И новые шансы.

– Какая гадость, – проворчала она, шупая шелковые цветочки на фате. – И почему нельзя выйти замуж без всей этой мишуры...

– Это фата матери Чарльза, – ответила Лоретта, закрепляя ткань еще одной шпилькой. Она имела в виду доктора Чарльза Эйвери. *Жениха* Дороти. От одной мысли об этом ей сделалось дурно. Такие, как она, просто не должны выходить замуж.

Дороти с матерью подошли к делу со всей тщательностью. Ровно год назад они разработали план, который сулил легкие деньги. Лоретта подавала в местную газету объявление о том, что девушка желает познакомиться с одиноким мужчиной для создания семьи. В ответ на письма с предложением знакомства дамы высылали незадачливому простофиле фотографию Дороти, и он клевал на нее, точно рыба на наживку.

Через несколько месяцев страстной переписки, полной заверений в истинной любви, дамы брали несчастного в оборот и начинали выпрашивать у него деньги то на микстуру от кашля, то на визит к врачу с якобы подвернутой лодыжкой. Затем следовали просьбы помочь с платой за жилье или прислать сотню-другую на билет на поезд, чтобы долгожданная встреча наконец состоялась.

Как правило, эту хитрую схему они проворачивали сразу с несколькими мужчинами, но как только те начинали подозревать неладное, все резко прекращалось. А переписка с Эйвери изменила привычный уклад.

Эйвери был весьма состоятельным человеком и недавно возглавил хирургическое отделение Сизтлского медицинского центра. А еще он сделал Дороти предложение сразу же, как увидел ее фотографию, – точно подыскивал себе хорошенькую жену под стать новой блистательной должности. По словам Лоретты, брак с ним должен был стать самой успешной аферой в их жизни, изменить ее на корню, ведь отныне у них будет все, о чем только можно мечтать.

Дороти принялась нервно крутить кольцо, подаренное доктором по случаю помолвки. Всю свою жизнь она училась мошенничеству и аферам. А это значило не просто сидеть перед зеркалом, оттачивая улыбку и наклоны головы. Дороти отрабатывала ловкость рук, пока их не сводило судорогой, научилась открывать замки парой незаметных движений, используя вместо отмычки все, что попадалось под руку. Развила в себе умение узнать лжеца по изгибу губ и стаскивать обручальные кольца с мужских пальцев, пока кавалер наливает ей выпить. А теперь ее ждало рабство у человека, который будет до конца ее дней указывать ей, что делать и куда идти. Ровно так же, как всегда делала ее мать. Казалось, эти двое в сговоре, цель которого – помешать Дороти принять хоть одно самостоятельное решение в жизни.

– Выглядишь чудесно, – сказала Лоретта, окинув дочь строгим взглядом, и поправила ей фату, чтобы цветы эффектнее украшали голову. – Бесподобная невеста.

Дороти распрямилась, и отмычки снова сместились – куда-то к спине. Быть невестой ей совершенно не хотелось, и не важно, что эта роль так ей шла. И если мать возомнила, что Дороти позволит так с собой обойтись, то это просто глупость!

– Не хватает последнего штриха, – заметила Лоретта и достала что-то из кармана. В тусклом свете вспыхнул золотистый отблеск.

– Бабушкин медальон, – прошептала Дороти, пока Лоретта застегивала у нее на шее изящную цепочку. На миг девушка позабыла о побеге. Медальон внушал благоговение, точно волшебный предмет из какой-нибудь сказки. Лоретта успела умыкнуть его с материнской шеи, прежде чем эта жестокая женщина выгнала ее из дома и оставила на улице – беременную и без гроша в кармане. Но никакой голод не заставил Лоретту сдать медальон в ломбард.

Дороти бережно коснулась украшения кончиками пальцев. Тусклое золото казалось древним, а изображение на медальоне почти стерлось.

– Почему ты решила отдать его мне именно сейчас?

– Чтоб ты не забыла, – сказала Лоретта и сжала плечи дочери, сощутив темные глаза.

Дороти не пришлось уточнять, что ей забывать не стоит. На этот вопрос красноречиво отвечал сам медальон. Он безо всяких слов рассказывал о том, что матери порой бывают очень жестоки. Что любви не стоит верить. Что девушка должна полагаться лишь на то, что можно украсть.

«А может, и нет, – прошептал Дороти внутренний голос. – Может быть, есть на свете и что-то *большее!*»

Ее пальцы застыли на прохладном металле. Порой на нее находило странное, удивительно опустошающее чувство, имени которому она дать не могла, как не могла понять, чего именно хочет. Да, *большого*, но чего?

Большого, чем деньги, мужчины и платья. Большого, чем мамина жизнь. Большого, чем то, что есть у нее теперь.

Впрочем, до чего же глупо и стыдно было так думать! Кто она такая, что возомнила, что достойна этого самого «большого»?

– Время поджимает, – сказала Лоретта, снова поправила дочери пояс и завязала его концы нарядным бантом. – Мне еще надо занять свое место в церкви.

Ладони у Дороти стали липкими от пота.

– Когда мы с тобой заговорим вновь, я буду уже замужней женщиной, – сказала она, свято веря в то, что этому не бывать.

Ничего не ответив, Лоретта вышла в холл и шумно захлопнула дверь. Гулко щелкнул замок, и от неожиданности Дороти аж подпрыгнула. А потом еще долго стояла посередине комнаты.

Она догадывалась, что мать ее запрет. Лоретта Денсмор была не из тех, кто любит рисковать, а особенно ценной собственностью. С ее точки зрения совершенно разумно было понадежнее припрятать дочь – самое «ценное», чем она владела, – во всяком случае, до прибытия жениха, а уж потом спокойно передать ее прямо ему в руки. Лоретта была человеком прагматичным и потому никак не могла допустить, чтобы какая-нибудь досадная случайность все испортила.

Дороти принялась искать на ощупь отмычки, спрятанные под поясом, но пальцы встретили лишь кружево, шелк да жесткую кайму корсета.

– Нет! – с растущей тревогой прошептала девушка. – Нет, нет, нет! – Она принялась в панике щупать пояс, царапая его ногтями, пока не послышался треск рвущейся ткани. Они ведь совсем недавно были тут! Дороти воспроизвела в памяти разговор с матерью, припомнила, как Лоретта улыбнулась зеркалу. Как поправила пояс на платье дочери.

Пальцы девушки замерли. Видимо, мать скользнула своей изувеченной рукой под пояс, вытащила отмычки и уничтожила на корню план ее побега. Дороти вздохнула, и грудь точно огнем обожгло. Выходит, никуда ей теперь не деться.

Она поймала свое отражение в зеркале – искусно накрашенные глаза и губы, локоны. Платье сшито на заказ, кружева вытканы вручную и воздушны, точно паутинка, и притом украшены речными жемчужинами, которые нарядно переливаются на свету при каждом ее движении. Всю свою жизнь она училась приукрашивать правду и маскировать ложь. Но главным обманом была ее красота. Она ведь никогда о ней не мечтала. Никогда ее не жаждала. И красота эта не имела ничего общего с ее идеалами. Сколько Дороти себя помнила, красота ей приносила страдания – и ничего больше.

На лице Дороти застыла неприглядная гримаса отвращения. Она сорвала фату с головы. Часть шпилек запуталась в волосах, а часть – звонко посыпались на пол. Растрепавшиеся локоны упали ей на лоб.

Дороти улыбнулась. Впервые за все утро ее внешний вид в точности соответствовал состоянию ее души. И тут ее взгляд опустился на шпильки, и она застыла как вкопанная.

Шпильки!

Упав на колени, она взяла одну и принялась рассматривать на свет. Шпилька была тонкая, длинная и заостренная. Дороти попробовала ее согнуть, но металл не поддался. Возможно, это и впрямь серебро.

Улыбка вновь тронула ее губы. То что нужно!

2. Эш

14 октября, 2077 год, Новый Сиегл

Закрылки подняты. Карбюратор к запуску готов. Дроссель открыт.

Эш постучал по кнопкам приборной панели. Стрелка на датчике ЭВ дернулась и застыла ровно на середине шкалы.

– Вот черт, – пробормотал Эш и откинулся на спинку кресла, чувствуя, как внутри закипает волнение. Судя по показаниям стрелки, ЭВ – экзотического вещества – было критически мало, а значит, лететь было опасно. Стоило Эшу только подняться в воздух – и его корабль рисковал тут же разлететься на кусочки. Он увеличил скорость на семьдесят пять узлов, стараясь не обращать внимания на жаркую пульсацию крови в руках.

Его часто упрекали за упертость. Когда он служил в армии, командир однажды заметил: «Сынок, да ты настоящий упрямец! Тебе любой осел позавидует!» А преподаватель из воскресной школы, в которую Эш ходил в детстве, как-то раз подчеркнул, что «упорство – не всегда добродетель».

Но Зора, знавшая его, как никто другой, оказалась красноречивей всех, когда бросила ему в сердцах: «Да когда ты уймешься уже? Так и убиться недолго!» Стоило ему пройти мимо, она каждый раз недовольно бормотала что-то про опасности, идиотизм и миссию, сулящую верную смерть.

Но Эш знал, что выживет, как знал и то, что погибнуть ему суждено при иных обстоятельствах – ведь собственную смерть он уже видел. И все же Зора была кое в чем права. Эти его вылазки были слишком уж опасны – надо быть дураком, чтоб без конца идти на такое. Но альтернатива пугала куда сильнее. Ему вновь вспомнились черная вода, белые волосы, и он помотал головой, чтобы отогнать видение.

То была мучительная расплата за то, что он во всех подробностях знал, что случится в день его смерти. Видения преследовали его на каждом шагу.

Да и потом, прославиться упрямством – не худшая из бед. Куда страшнее прослыть предателем, как Роман. Или запомниться всем жестокостью, как Квинн. Будь у Эша выбор, он предпочел бы убийственную глупость.

– «Вторая звезда» готова к отправлению, – отрапортовал он вслух. Эта привычка осталась у него со Второй мировой войны, когда он учился летать на боевых самолетах. Его слов некому было услышать, но Эш все равно решил, что взлетать, не объявляя о взлете, неправильно. Не стоит лишний раз искушать судьбу. Он поправил заслонку на дросселе, не сводя взгляда с ветрового стекла, как опытный пилот. Сердце бешено колотилось в груди. Корабль неспешно поднялся в воздух.

– Тише, Звездочка, – ласково проговорил Эш – таким тоном люди обычно обращаются к котяткам или щенкам. Пальцы и рычаг управления стали липкими от пота. Эш вытер руки о джинсы, напоминая себе, что справлялся уже с сотнями взлетов гораздо сложнее этого. А то и с тысячами.

«Сегодня ты не умрешь, – подумал он. – Да, возможно, покалечишься. Ослепнешь. Возможно, тебе оторвет руки и ноги. Но с жизнью ты не расстанешься». Но эти мысли не принесли желанного утешения.

Эш перекрестился – привычка, закрепившаяся сотнями воскресных служб, посещенных им в церкви Святого Сердца, когда он еще жил в родном городке на Среднем Западе. Он схватил рычаг и потянул на себя. Воздух наполнился едким дымом, а машина времени взмыла в небо.

3. Дороти

7 июня, 1913 год, неподалеку от Сиэтла

Шпилька прекрасно справилась со своей задачей – куда лучше настоящей отмычки. Расшитое вручную нарядное платье Дороти было теперь все в колючках, а к босым ногам пристала грязь. В руке девушка несла пару туфель на каблуках, в глубине души сомневаясь, что ей хватит безрассудства их надеть – очень уж они были неудобные и натирали ноги чуть ли не до крови. Да и потом, ей нравилось шагать босиком по мягкой земле, и до станции оставалось не больше мили.

По пути она старательно придумывала, как разжалобить пассажиров со станции. *«Сэр, представляете, сегодня я должна была выйти замуж, но меня похитили по пути в церковь, и я только-только сумела сбежать! Прошу, помогите! Купите мне билет!»*

Не слишком ли это драматично?

Впереди прогремел гром. В темных тучах мелькнула молния.

Дороти вскинула голову и посмотрела на небо. Непогода всегда была ей по душе. Когда она была еще совсем крохой, они с мамой несколько месяцев прожили в Небраске, где часто случались страшные, поистине чудовищные грозы. Дороти любила лежать на траве и считать секунды тишины между раскатами грома, прикидывая, когда же буря доберется до них.

Но эта гроза была странной. Перед Дороти висели тяжелые черные тучи, но стоило ей отвести взгляд чуть вбок – и она с изумлением заметила, что за церковью неподалеку простирается безоблачное, чистое небо, а солнце льет свой золотистый свет на небольшую рощицу. Казалось, гроза – в том случае, если это, конечно, была она, – бушевала исключительно над лесом.

В черных тучах полыхнула новая молния, и тут из мрака вынырнуло что-то металлическое и блестящее.

Сердце у Дороти так и подпрыгнуло. Неужели... неужели это настоящий *аэроплан*?

Девушка с благоговением наблюдала за тем, как лавирует в облаках металлическое чудо. Она ни разу не видела аэропланов – разве что на картинках, изображавших неприглядные стальные сооружения с пропеллерами и крыльями – такими тонкими, что, казалось, стоит подуть сильному ветру, и они тут же сломаются.

Но эта штука выглядела иначе. Большая. Блестящая. Без пропеллера и крыльев, но с двумя огромными диковинными приспособлениями овальной формы в задней части, ярко алевшими на фоне темно-серого неба. Машина с ревом рухнула вниз, и Дороти ахнула, отскочив в сторону.

Она же *разобьется!*

Диковинное судно ринулось к земле и вскоре исчезло за кронами деревьев – всего в нескольких ярдах от девушки.

У той сжалось сердце. Точно в трансе, она бросилась в лес, не обращая внимания на корни, которые больно впивались ей в ноги. В лесу пахло дымом – только совсем не таким, какой обычно поднимается от костра, – а удивительно едким. Дороти жгло ноздри, ее обдавало невидимым жаром – казалось, деревья вокруг вот-вот вспыхнут ярким пламенем.

И тут по лесу пронесся чей-то голос. Кто-то громко ругнулся.

Точно звонкий щелчок пальцев, голос вывел Дороти из транса. Она резко остановилась, а по спине пробежал холодок. И куда ее понесло?! Она ведь собиралась в город! До дороги оставалось идти всего несколько ярдов, а оттуда и до станции было рукой подать.

Она хотела было повернуть назад, но вдруг заметила, как за деревьями сверкнула металлическая машина.

«А, ладно, была не была!» – подумала девушка. В конце концов, когда еще ей представится возможность увидеть *настоящий* аэроплан? Она решила, что глянет на него одним глазком, просто чтобы узнать, что это за штука такая. Она проворно нырнула в кусты и выбралась на полянку, куда упало судно.

Из кабины пилота с выражением крайнего расстройства на лице выполз незнакомец и тут же, не обращая на Дороти никакого внимания, начал возиться с машиной.

А Дороти, прячась в тени, разглядывала его мускулистые руки, светлые волосы, упавшие на лоб, красную кожу шеи. Сердце застучало быстрее, но девушка не смела пошевелиться. Незнакомец был до того не похож на всех, кого Дороти доводилось встречать, что казалось, будто он, такой растрепанный и сильный, явился из другого мира! Он был очень хорош собой, но это Дороти мало заботило. Красавчиков она в своей жизни навидалась и знала наверняка, что внешность чаще всего единственное их достоинство.

Но этот пилот... изумлял. Завораживал. Руки у него загрубели от тяжелой работы, а кожа явно была обожжена солнцем. Дороти невольно задумалась, чем же он занимается, раз ему приходится подолгу бывать на улице. Мать все время подталкивала ее к стройным и франтоватым джентльменам с нежными руками, не знавшими работы, не считая подписи чеков. Девушка состроила гримасу, вспоминая прикосновение гладкой, вечно влажной руки Эйвери к своей. В отношении мужчин она совсем не разделяла материнских вкусов.

Пилот снова ругнулся – громко и так грязно, что Дороти невольно поморщилась, но быстро пришла в себя и принялась с интересом разглядывать аэроплан. Он был просто огромным – раза в два больше, чем она себе представляла по рисункам в книжках, – и его алюминиевая обшивка поблескивала под слоем грязи. Дороти различила на боку крупную надпись: «Вторая звезда». А на узком носе корабля кто-то нарисовал рожицу – с зубастой улыбкой и черными прищуренными глазами.

Заметив ее, Дороти и сама не сдержала улыбки и невольно посмотрела на пилота, гадая, он ли ее нарисовал. А потом вышла из своего убежища, хотя, вообще-то, не собиралась этого делать. Заметив ее, пилот подскочил, да так, что стукнулся головой о стенку аэроплана.

– Господи! Что вы тут делаете? – спросил он, потирая затылок. В действительности он был гораздо выше, чем Дороти сперва показалось, а глаза у него оказались необычного золотисто-зеленого цвета.

Дороти вновь поймала себя на том, что не может отвести от него взгляда. Ей ужасно хотелось расспросить его об аэроплане, странной одежде, забавной рожице на носу судна, но вместо этого она почему-то пролепетала:

– Я... в-в-выхожу замуж.

Стоило ей произнести эти слова, как она тут же о них пожалела. Конечно, весь смысл ее побега сводился к тому, чтобы избежать свадьбы, но почему-то ей вдруг захотелось, чтобы незнакомец вообще о ней не узнал. Она вскинула голову под пристальным взглядом пилота, моля небеса, чтобы щеки, чего доброго, не покраснели.

– Замуж? – переспросил пилот. Дороти уже привыкла к тому, что мужчины пожирают ее вожаделенными взглядами, смотрят на нее как на вещь, а вовсе не как на личность со своими мыслями и убеждениями. Но пилот повел себя иначе. Он только озадаченно покосился на ее свадебный наряд, изорванный и перепачканный после беготни по лесу. – Сегодня?

Как же это странно – проникнуться к мужчине симпатией лишь потому, что он на тебя не смотрит! Но Дороти тут же прониклась.

– Точнее, я собиралась выйти замуж, но теперь этому не бывать! – затараторила она. – Я уезжаю отсюда. Как видите. Станция как раз неподалеку.

Пилот недоуменно свел брови.

– Ну ладно. Удачи, – сказал он и едва заметно кивнул. Этот кивок почему-то напомнил Дороти вычурные джентльменские поклоны и приветствия. Будь пилот из того же теста, что

Эйвери, ей бы полагалось захихикать и соблазнительно захлопать ресницами, но он был совсем на него не похож, поэтому Дороти просто нервно сжала руки в кулаки и спрятала их в рукавах.

Как вообще разговаривать с мужчиной, если у тебя нет цели его соблазнить? Она вдруг поняла, что совершенно не представляет, как это делается.

Пилот вновь склонился к своей посудине, пробормотав вполголоса еще одно грязное ругательство.

Дороти молча наблюдала за его работой, а потом вдруг спросила:

– Это ваше?

– Ага, – отозвался он, поправляя какую-то деталь механизма. Пальцы он все перепачкал машинным маслом. Было не совсем понятно, что именно он делает, но... получалось у него удивительно ловко. И эта ловкость впечатляла! Особенно в сравнении с талантами Эйвери, который и коктейля сам приготовить не мог, ничего на себя не пролив. Удивительно, что ему доверили резать людей.

– Впервые в жизни вижу аэроплан! – призналась Дороти и заглянула пилоту через плечо. – А он летает?

– Само собой, – ответил пилот и устало провел рукой по лицу. – Послушайте, мисс, не хочу показаться грубияном, но эта штука сама себя не починит. А вы, кажется, куда-то торопились.

Дороти чувствовала, что мешает ему, но никак не могла заставить себя уйти. Она слышала немало историй о том, как мужчины отправляются на Аляску за золотом, и гадала, уж не оттуда ли прилетел незнакомец и не пытался ли он пересечь на своей посудине Тихий океан.

Но стоило ей об этом подумать, как в воздухе разлился колокольный звон, знаменующий начало службы в церкви неподалеку. По спине девушки пробежал холодок.

Она прикусила губу и посмотрела на лес, простиравшийся позади пилота. Станция была прямо за деревьями, совсем близко. А там можно было бы стащить у кого-нибудь бумажник, купить билет и отправиться...

Кстати, куда? В очередной захолустный и пыльный городок? Еще утром эта мысль вдохновляла Дороти, но теперь она не могла поверить, что когда-то всерьез мечтала об этом. Она ведь всю жизнь провела в таких городках и всегда думала, что и умрет в одном из них. Но стоило ей увидеть аэроплан, как в ней пробудились совсем другие чаяния!

Колокольный звон резко затих. В воздухе повисла тишина, и Дороти привычным движением изогнула губы в улыбке.

– Я очень надеюсь на вашу помощь, – сказала она, склонив голову. – Понимаете, я заблудилась!

– Вы меня простите, мисс, но, по-моему, именно этого вы и хотели, – заметил пилот, и уши у него порозовели. – Извините, – пробормотал он, качнув головой. – Не хотел вас обидеть.

Дороти с трудом скрыла усмешку. Розовые уши очень ее умилили. Они совершенно не сочетались с его плечистой фигурой и проворными, решительными движениями. Ее так и подмывало раздражить его, чтобы он покраснел еще сильнее.

Дороти вновь уставилась на пилота, и их взгляды вдруг встретились. Он озадаченно нахмурился.

«Сосредоточься!» – велела она себе. Пускай эти уши хоть тысячу раз милые – сейчас нет времени на насмешки. Нужно бежать отсюда, и скорее.

– Наверное, ужасно страшно лететь по небу в одиночку! – заметила она, сделав вид, что вся дрожит, чтобы показаться слабой и беззащитной. – Я бы на вашем месте подумала о попутчике!

– Попутчике? – переспросил пилот и потер переносицу, оставив на коже грязное пятнышко. – А зачем мне попутчик?

– А разве вам не бывает одиноко? – поинтересовалась Дороти низким, слегка хрипловатым голосом. На месте пилота все мужчины до единого тут же поняли бы, что она флиртует, но он лишь нахмурился.

– Одиноко? В небе?

– Ну... или где вы там бываете?

Пилот задумчиво свел брови, точно мысль об одиночестве только теперь закралась ему в голову.

– Да нет, пожалуй, не бывает.

– Ясно, – отозвалась Дороти. Губы у нее дрогнули. Все явно шло совсем не так, как она задумала. Она заглянула в окно кабины пилота. На полу валялись какие-то разноцветные бумажки, а на пассажирском сиденье лежала половинка сэндвича. Бардак. Но места для двоих точно хватит. – А как быстро летает эта штука?

– Что?.. Не трожь... пожалуйста, ничего не трогайте! – воскликнул пилот и попытался встать между судном и Дороти, но она ловко обошла его, успев даже скользнуть рукой в карман его куртки. Она и сама не знала, чего ищет – кошелек ли или какую-нибудь вещь на продажу, – но пальцы наткнулись на загадочный предмет, похожий на карманные часы. Подхватив находку двумя пальцами, она спрятала ее в рукаве. А потом кинулась к передней части аэроплана и дернула за ручку двери. Закрыто!

Пилот, казалось, совсем утратил самообладание. Он в два шага преодолел пространство между ними, и Дороти испуганно вжалась в горячую металлическую стенку.

– Попросил бы вас держаться подальше от моего корабля, мисс, – хрипло процедил пилот. Он стоял так близко, что Дороти чувствовала сухой дымный запах его кожи. Он казался разъяренным великаном, чудовищем из детской сказки. Лишь в золотистых глазах читались спокойствие и мягкость.

Стоило Дороти заглянуть в эти глаза – и они показались ей удивительно знакомыми. Сейчас они смотрели устало и печально, но она без труда могла вообразить, как в них пляшут радостные огоньки, точно и впрямь уже видела это когда-то.

Пилот вдруг отвел от нее взгляд и тряхнул головой.

– Чего вы хотите?

Во рту у девушки пересохло. Ей хотелось улететь как можно дальше. Хотелось, чтобы он забрал ее туда, где она еще никогда не была. Внутри пробудилось странное, мучительное чувство.

В голове пронеслось: «Большого. Я хочу большего».

И несмотря на то что Дороти в совершенстве владела искусством обмана, она вдруг сказала правду:

– Увезите меня отсюда. Пожалуйста. Я не могу больше здесь оставаться.

Пилот наградил ее пристальным, внимательным взглядом. Челюсть у него заметно напряглась, и Дороти вдруг ощутила странную смесь триумфа и разочарования. Этот взгляд она знала прекрасно. Десятки мужчин смотрели на нее именно так, прежде чем уступить и исполнить все ее прихоти.

Она поймала его на крючок. И это было по-своему печально. Он ведь сперва показался ей таким необычным, таким непохожим на других. А теперь выясняется, что он ни капельки не лучше.

Но пилот вдруг сказал:

– Нет.

И Дороти поняла, как сильно она ошиблась.

Он повернулся к аэроплану и распахнул переднюю дверь. Дороти среагировала не сразу – слишком уж увлекли ее попытки вспомнить, когда мужчины последний раз ей отказывали.

И все же она успела схватиться за край двери, прежде чем пилот как следует ее захлопнул.

– Но почему? – спросила она с таким отчаянием в голосе, что и сама невольно скривилась. – Много места я не займу! И донимать вас не буду!

Пилот вздохнул.

– Поверьте, пункт назначения вам совсем не понравится.

– Да откуда вы знаете?!

– Такое не понравится никому, – сказал пилот и снова с силой потянул дверь. Дороти схватилась за нее обеими руками, стараясь ему помешать.

– Как знать, может, я вас удивлю! – воскликнула она.

Пилот вдруг перестал тянуть дверь и пригвоздил Дороти к месту невеселым взглядом.

– Послушайте, там, куда я держу путь, существуют огромные подводные города, а еще преступные банды, которые похищают старушек, идущих на рынок. И девушка, питающаяся человеческим мясом.

Дороти разинула рот, но быстро его закрыла. В глазах пилота заплясали победные огоньки. Она вдруг поняла, что он хотел ее напугать и, видимо, решил, что это ему удалось.

Вот только Дороти почувствовала вовсе не страх. А трепет. Казалось, пилот описывает вовсе не настоящее место, а сказочный край!

– У вас на родине живут каннибалы?

– Всего один, – уточнил пилот и захлопнул дверь, пользуясь замешательством девушки. Дороти ругнулась и схватилась было за ручку, но едва слышный щелчок сообщил о том, что замок заперт изнутри. Пилот поднес два пальца к виску, насмешливо ей салютуя.

– Счастливо! – одними губами сказал он.

В уши Дороти ударил громкий рев, а поляну застлал горячий дым. Девушка закашлялась. Ну вот и все. Теперь ее точно кто-нибудь да отыщет и притащит в церковь, к матери и Эйвери. И не важно, что ее наряд безнадежно испорчен, а ноги в грязи. Ее поведут к алтарю, а мать ни на шаг от нее не отступит, пока она не скажет доктору свое «Согласна».

Пошатываясь, она отошла от аэроплана. Перед глазами вставали картины супружества с доктором. Скучные обеды, одинокие вечера, занудные дамы, с которыми и поговорить-то не о чем, кроме как о благотворительных мероприятиях и планах на осень. А рядом, конечно же, всегда сидит мать и украдкой щиплет ее за руку, чтобы она не забыла посмеяться в нужный момент.

Ей было душно, а узкий корсет лишь усугублял дело. Дороти скользнула пальцами по шее и опустила кружевной воротник. Дышать было совершенно нечем.

А ведь до этого она ни разу не представляла всерьез семейной жизни с Эйвери. Ей казалось, что она без труда сбежит со свадьбы – уж как-нибудь да изловчится. Но вот уже во второй раз звонят колокола, а аэроплан вот-вот взмлет в небо, и...

И тут Дороти задумчиво нахмурилась. Минуточку. Это что же...

Да, действительно, в задней части аэроплана была еще одна дверь.

Дороти покосилась на ветровое стекло, чтобы удостовериться, что пилот ее не замечает. Он склонился над морем каких-то кнопок и переключателей, нахмурившись. На лбу у него проступили тонкие морщинки. Дороти обошла аэроплан и на всякий случай дернула дверь за ручку.

Закрыто. Само собой.

Девушка вскинула руку и вытянула из волос еще одну шпильку.

4. Эш

7 июня, 1913 год, Пьюджетский анил

Эш провел рукой по волосам и удивленно посмотрел на влажные пальцы, с трудом сдерживая хохот.

Это что, пот? И чего он так распереживался? Уж не из-за девчонки ли?

«Нет, это вина», – твердил он себе. Он и впрямь чувствовал себя виноватым, но вовсе не за то, что отказался подвезти незнакомку – такая, как она, и дня не протянет там, куда он держал путь, – нет, ему было совестно, что он запугал ее историями о Квинн Фокс. Эта безжалостная убийца из Черного Цирка, по слухам, питалась человеческим мясом и могла без труда одолеть даже взрослого мужчину. И Эш хорошо понимал, что чем меньше о ней судачат, тем лучше. В его время, например, кругом было только и разговоров что о ней. Рассказывать о ней людям из другой эпохи было совершенно неправильно.

Усилием воли он отогнал мысли о Квинн, и в памяти вновь возникла девушка из леса. Ему вспомнилось, как она, склонив голову, спросила: «А разве вам не бывает одиноко?» – и уши вновь точно огнем обожгло.

– Что за чушь... – прошептал он и мысленно возблагодарил небеса за то, что Зора не застала этого диалога.

Он живо представил, как его верная подруга снисходительным тоном, каким она говорила с ним одним, интересуется: «Неужто ты себе невесту нашел, а?» – а потом шумно изображает звуки поцелуев.

Флиртовать было не в его правилах – возможно, поэтому это у него так плохо получалось. Как это делается, он хорошо знал – недаром ведь он жил с тремя довольно симпатичными ребятами, – но вкус к этому напрочь утратил, как утрачивает вкус к стейку человек, подавившийся куском мяса и едва не задохнувшийся. Как-никак трудно наслаждаться тем, что может тебя убить.

«Черная вода... – пронеслось в голове. – Мертвые деревья...»

Чтобы отвлечься от девчонки, видений и капельки пота, которая сбегала по шее, он проверил шкалу мощности. После аварии показатель ЭВ упал до сорока пяти процентов, а это... мягко говоря, совсем не радовало. Убийственной эта миссия, может, и не станет, но покалечится он наверняка.

Он держал путь в 1908 год, чтобы своими глазами понаблюдать, как у ювелирного магазина устанавливают старинные часы. В них ничего особенного не было, но Профессор как-то раз упомянул о них, когда рассказывал о давней традиции установки на людных улицах таких вот часов. А большего Эшу и не требовалось. Он уже почти год искал Профессора повсюду и побывал, наверное, везде, где его можно было бы встретить, и уже начал отчаиваться.

Увы, из-за аварии он промахнулся на несколько лет. Уровень ЭВ был чересчур переменчивым для новой вылазки, и потому оставалось только одно: вернуться в мастерскую и надеяться, что к утру ситуация стабилизируется и он наконец посмотрит на те самые часы у ювелирного магазина.

Правда, тогда он потеряет еще один день из своего и без того стремительно пустеющего арсенала.

Эш напряг плечи, а потом медленно их опустил, представляя, как расслабляется каждая мышца. Кожаная куртка сперва вздыбилась, а потом снова расправилась по фигуре, как влитая. Этому трюку, помогавшему ощутимо сбросить напряжение, он научился в первую же неделю пребывания в летной академии, еще в те времена, когда другие студенты посмеивались над ним

за то, что он «ведет себя с самолетом так, точно боится, что тот его укусит». Эш сжал кулаки, а потом по очереди расслабил каждый палец, готовясь к очередному непредсказуемому полету.

– Сегодня ты не умрешь, – сказал он вслух, и эти слова его успокоили, пускай и совсем чуть-чуть. В том, что он знал время и обстоятельства собственной смерти, был всего один плюс: сегодня можно было творить что вздумается, понимая, что уж чем-чем, а смертью это не закончится. Конечно, сомнительное преимущество, но все же лучше, чем ничего.

Эш повернул рычаг скорости до 2000 оборотов. «Вторая звезда» дернулась... двигатель взревел. Эш затаил дыхание, опасаясь, как бы корабль не взорвался.

Но через пару мгновений на смену реву пришел мерный шум, и «Звезда» взмыла в воздух.

Голубоватая арка Пьюджетского анила изгибалась над морем, точно огромный полупрозрачный пузырь. Со стороны казалось, что отсветы на волнах – это солнечные блики, а то и вовсе обман зрения. И только вблизи становилось видно, что под аркой скрывался туннель.

«Вернее, нет, – подумалось Эшу, – не туннель даже». А бездна. Пустота. Стоило только взглянуть на анил, и голова тотчас начинала кружиться от попыток понять это непостижимое явление. Порой анил походил на огромный водоворот тумана и дыма. Порой – на большой ледник. А порой выглядел как трещина во времени – собственно, именно это он из себя и представлял.

Эш взял курс на анил. Кабина затряслась. Недоеденный сэндвич подскочил на пассажирском сиденье и упал на пол, запачкав его луком и майонезом. Конфетные обертки закружили вокруг Эша, подхваченные незримым ветром. В ветровое стекло ударили мощные водные струи, а потом превратились в густой туман.

А через мгновение «Вторая звезда», перейдя на скорость света, устремилась в будущее.

Еще до того, как стать путешественником во времени, Эшу довелось испытать, каково это – попасть одновременно и в торнадо, и в ураган, сопряженные с градом и дождем. Это случилось в 1945 году, в горячей точке, во время его первой военной миссии на истребителе «F6F Хеллкэт». Облака в тот день были густыми, как каша. Он свернул не в ту сторону, и небо внезапно наполнилось снарядами. Добрых двадцать минут он в ужасе лавировал в облаках, прячась от вражеского огня и так сильно вцепившись в штурвал, что уже начал побаиваться, что никогда не сможет его отпустить. Казалось, целая вечность прошла, прежде чем он укрылся в безопасности.

Так вот, проникать в анил оказалось в сотни раз сложнее.

Изогнутые края туннеля то и дело полыхали молниями, а за тонкими стенами корабля пронзительно выл ветер. Эш вцепился в штурвал, удерживая его. На заре его карьеры инструктора все как один предупреждали его, что при ветре скоростью больше сорока семи узлов летать нельзя. В аниле же скорость ветра нередко превышала сотню узлов, вот только ЭВ, как правило, создавало вокруг корабля своего рода защитный пузырь, который спасал пассажиров от смертельно опасного буйства непогоды.

Стрелка на датчике ЭВ вновь задрожала.

– Держись, Звездочка, – прошептал Эш. Отпускать штурвал он боялся. Где-то позади гремел гром, а по защитному пузырю со всей силы барабанили крупные градины. У самого ветрового стекла – куда ближе, чем если бы ЭВ работало в полную силу, – полыхнула молния. Эш подвел свое судно к туманной мрачной стене туннеля. Видимость тут была похуже, но и ветра дули не так сильно.

К нему снова вернулись «превспоминания». Как и всегда, застав Эша врасплох.

Шлюпка с веслами посреди черной воды... Призрачные деревья белеют во мраке... Девушка с капюшоном на голове... Ветер играет с белыми волосами... Поцелуй... Нож...

Ресницы у Эша задрожали, но он усилием воли заставил себя открыть глаза и судорожно вздохнул. Ему отчетливо превспомнился холод стали под ребрами, вспышка неведомой доселе боли. На лбу выступил пот. Эш схватился за рану, вот только ее там не было – а была только теплая невредимая кожа. Ни крови, ничего. Ведь никакого нападения не произошло.

Пока.

Эш согнулся пополам. Внутри у него все сжалось. Боль отступила, но превспоминания остались где-то на задворках сознания и то и дело стали снова появляться перед его мысленным взором. Лодка, раскачивающаяся на волнах, девушка с белыми волосами, поцелуй, его гибель. Исход всегда один и тот же. Неизменно жуткий.

Профессор лучше всего объяснял природу превспоминаний.

«В аниле сосуществуют все эпохи, – рассказывал он в своей неспешной манере. – И из-за этого слабенький человеческий мозг начинает путаться и порождать воспоминания о том, чего еще не было. Следовательно, в памяти человека проносятся события, которым еще только предстоит случиться спустя несколько дней – самое большее через год, причем они столь же точны и детальны, как, скажем, воспоминания о том, что вы съели за завтраком».

«Самое большее через год». А ведь Эш вот уже одиннадцать месяцев превспоминает девушку с белыми волосами и ее нож, и в последние недели видение стало еще отчетливее и навязчивее. Если верить Профессору, это могло означать, что все случится уже очень скоро. А значит, Эшу осталось жить месяц от силы.

Он нахмурился и постарался сосредоточиться на происходящем за окном. Град сменился ливнем, ветер слегка поутих, и Эш вернул «Вторую звезду» в центр туннеля. У эпох, как и у всего остального, есть свои границы и отметины, и Эш, увидев впереди мощный вихрь, знаменующий собой 2077 год, мигом его узнал. Пора было на выход.

Он крепче схватился за штурвал и направил судно к белесой туманной завесе, которая была чуть посветлее, чем дымные стены вокруг. Похожие чувства испытывает водитель автомобиля, когда едет по затуманенной дороге. Эш так и не смог найти нужные час и минуту, но в месяцах и днях сориентировался на ура – впрочем, как и всегда.

Во мраке вновь вспыхнула молния, а воздух вокруг Эша начал сгущаться и стремительно влажнеть, пока «Вторая звезда» окончательно не ушла под воду.

Дом. Наконец-то. Эш потерял глаза и заметил, как сильно трясутся руки, но ни капельки не удивился. В этот раз превспоминания оказались особенно беспощадны. Фантомная боль от удара ножом – это напоминание о грядущем конце – и не думала стихать.

Эш уже с десятков раз видел собственную смерть, а то и больше. Ему пора было с ней свыкнуться.

– Соберись, солдат, – негромко велел он себе. И хотя он оставил военную службу вот уже два года назад, эти слова сами собой сорвались с языка – произнести их Эшу оказалось куда легче, чем собственное имя.

Он включил фары, и два мощных луча света прорезали темную толщу воды. А потом направил нос судна вверх, и «Вторая звезда» с шумом вынырнула на поверхность. Эш оглянулся, окинув взглядом водную гладь и скользящие по ней тени.

Воды были безмятежны. Но это вовсе не значило, что он тут один.

14 октября, 2077 год, Новый Сиэтл

Мастерская Профессора представляла собой наполовину гараж, наполовину лодочный сарай. Причудливая постройка торчала прямо из воды, обшитая кусочками жести и пластика и покрытая крышей из старых шин и обрезков фанеры. Но окна были настоящие, стеклянные, а еще была дверь дистанционного управления – роскошь, которую Эш и Зора (единственная дочь Профессора) решили себе позволить, ее установка обошлась им в кругленькую сумму.

Эш нажал на кнопку, и дверь отъехала в сторону, взбаламутив воду вокруг. Внутри хватило бы места для двух, а то и для трех кораблей вроде «Второй звезды», но там было пусто, если не считать моторной лодки. Эш припарковался с ней рядом, нажал на кнопку – и дверь позади захлопнулась.

Фары машины времени осветили завешанные крюками стены, на которых темнели грязные инструменты, запчасти и десятки – а то и сотни! – чертежей, схем, карт мира разных эпох. Впрочем, понять, что изображено на картах, было невозможно. От влажности бумага размякла, а чернила потекли, но Эш все равно решил их не снимать. В некоторых из мест, изображенных на картах, он бывал: например, в фойе отеля «Фейрмонт», куда он направился в 1969 году, чтобы полюбоваться высадкой на Луну, на стадионе, где в 1908 году проходил мировой чемпионат по бейсболу, на котором победу одержали «Чикаго Кабс», на лужайке у Белого дома в день инаугурации первого президента-женщины в 2021 году. Зора говорила, что на эти карты без слез не взглянешь, но Эш любил вспоминать те путешествия.

Эш принялся перепроверять приборы, приводить выключатели и рычаги в исходное положение, пока «Звезда» возвращалась в равновесие, легонько покачиваясь на волнах, а ее двигатель затихал. Наконец на панели зажегся зеленый огонек – сигнал к тому, что можно без опаски выходить наружу. Эш отстегнул ремень и распахнул дверь. Виски тут же заломило.

– Ну, привет, – раздалось из темного угла, до которого не доставал свет фар «Второй звезды». Рука у Эша тут же дернулась и метнулась к карману, ища револьвер «Смит-Вессон» – табельное оружие, которое он носил при себе в годы военной службы, но которого у него давно уже не было. Вскоре его глаза привыкли к темноте, и он разглядел в углу необычайно высокую девушку, которая сидела на пластмассовом стуле, скрестив длинные ноги, и протирала деталь двигателя тряпкой.

Эш с облегчением выдохнул и выбрался из кабины, оставив дверь открытой.

– Что ты тут делаешь, Зора? – осведомился он.

– Да вот, хотела узнать, вернешься ли ты живым, – невыразительным голосом поведала она, точно его возвращение ее разочаровало.

– Ну, вот он я. Не убитый, но убийственно красивый, – пошутил Эш, стараясь выдавить из себя улыбку. И пускай у него было предостаточно свидетельств обратному, он предпочитал думать, что эта самая улыбка способна очаровать собеседника. Но Зора даже не подняла глаз от детали.

Улыбка пропала с лица Эша.

– Ты что, злишься? – спросил он.

Зора сплюнула на тряпицу и стала усерднее протирать запчасть. Она никогда не повышала голоса. В этом и не было необходимости. За последние два года ее молчание только усугубилось, и если раньше оно вызывало у Эша разве что раздражение, то теперь по-настоящему его мучило. Оно заполняло собой все пространство, отнимало все силы. Казалось Эшу эдаким огромным свирепым хищником, притаившимся в углу комнаты, на которого и взглянуть-то страшно, как и страшно признать его существование.

– Ну же! Скажи, в чем дело! – потребовал Эш.

Зора положила деталь на колени, выпрямилась и наконец заглянула Эшу в глаза.

– Мои слова для тебя пустой звук.

– Неправда!

– А я ведь просила тебя: «Эш, пожалуйста, не летай больше на этой развалюхе!»

– Имею право! Она же *моя*!

– А еще предупреждала, что вообще перестану с тобой разговаривать, если ты продолжишь рисковать жизнью и летать на этой штуковине!

– Но ведь разговариваешь-таки!

– А если ты тоже умрешь, клянусь, я... – начала было Зора, но осеклась. Немного помолчав, она вдруг схватила запчасть и со всей силы швырнула ее. Не то чтобы прицельно в Эша, но в его сторону.

Деталь прочертила в воздухе дугу и с негромким всплеском нырнула в воду, оставив на ней маслянистые разводы.

Эш хотел было еще раз напомнить, что это, черт побери, *его* корабль и он имеет полное право умереть на нем, если ему так хочется, но одно слово Зоры остановило его.

«Тоже». «Если ты *тоже* умрешь».

Он стиснул зубы. Зора шепотом ругнулась и закрыла лицо руками.

Она всегда старалась казаться невозмутимой. Будь ее воля, она бы жила и действовала в точности как безупречно отлаженный двигатель, которые она так любила разбирать и собирать заново. По этой причине они никогда не разговаривали о том, почему она против путешествий Эша в прошлое. А дело было в том, что она и так уже пережила слишком много потерь.

Зора встала, подошла ко «Второй звезде», подняла капот и склонилась над двигателем.

– Опять ты его затопил!

Эш уже довольно давно знал Зору и потому безошибочно понял, что на самом деле означают эти слова: «Хорошо, давай обсудим твои чувства, будь они неладны, но только чур за ремонт».

Ремонтник из Эша был неважный, но помощник – просто отличный. Он снял со стены гаечный ключ и устроился под капотом рядом с Зорой.

– Слушай, я тут ни при чем. Рычаг без конца заклинивает.

– А ты бы не дергал его так – глядишь, и не заклинивало бы.

Зора выхватила у него из рук гаечный ключ и начала молча возиться с двигателем. Эш наблюдал за ее работой из-за плеча, рассеянно касаясь того места под ребрами, куда его ударили ножом в том страшном видении. Боль прошла, но он был растревожен этим превспомненным ранением.

– Так значит, вот куда она тебя ударила? – уточнила Зора, повернув ключ влево.

Эш кивнул. Когда-то он описал Зоре свое видение в подробностях, начиная с девушки с белыми волосами и лодки на воде и заканчивая самым ударом, но подруга тоже не смогла придумать, как ему избежать этой участи.

– Ну да, примерно вот сюда, – сказал Эш, похлопав себя по боку.

– Неужели ты настолько плохо целуешься?

– А проверить не хочешь?

– Очень смешно, – без тени улыбки ответила Зора и подняла на него взгляд. – Что-нибудь новенькое в видениях появилось?

Эш разинул было рот, но снова его закрыл. Нет, это видение ничем не отличалось от предыдущих, но кое о чем он умолчал. А именно – о чувствах. О том, какую *радость* он ощутил, когда впервые увидел девушку с белыми волосами. О том, как тосковал по ней. О том, что, когда она замахнулась на него ножом, он не просто испугался. Нет. Для него тогда точно солнце погасло. Все внутри оборвалось.

И это чувство мучило его куда сильнее ножевой раны. Дело было не только в поцелуе. А в том, что ему суждено влюбиться в светловолосую девушку. В девушку, которая однажды его предаст.

Вот почему он стал избегать девушек и заигрываний. Он понимал, что скоро влюбится, что та, кому он отдаст свое сердце, убьет его и что все это случится самое большее через месяц. С такими-то перспективами вступать в отношения рискованно – все равно что в русскую рулетку играть.

Он прочистил горло.

– Нет, ничего. Просто видения становятся отчетливее и ярче, – пояснил он.

Зора протерла болт от масла и грязи. Эш видел, что она изо всех сил старается скрыть эмоции, делает вид, будто они и впрямь говорят ни о чем, коротая время за работой. Вот только закрутить болт Зора смогла лишь с третьего раза, а еще Эш заметил, как сильно дрожат у нее руки, пока она вытирала их о джинсы.

– Можем еще разок обыскать его кабинет, – предложила Зора, не глядя ему в глаза, возможно, потому что она прекрасно понимала, что это ничего не даст. – Отец был тем еще неряхой. Как знать, может, мы найдем среди его записей что-нибудь новенькое, что раньше не попадалось нам на глаза?

– Не попадалось нам на глаза? – вскинув бровь, повторил Эш. После исчезновения отца Зора навевдалась к нему в кабинет каждый день. Будь там и впрямь что-то стоящее, они бы уже давно это нашли.

– Всяко лучше, чем лететь на твоей развалюхе в 1908 год только потому, что отец как-то упоминал, что тогда появились часы, которые очень ему приглянулись.

Конечно, она права. Профессор не оставил никаких подсказок о том, где и в какой эпохе скрывается. Просто исчез.

Год назад посреди ночи он собрал вещевой мешок и улетел на второй машине времени под названием «Темная звезда», прихватив с собой второй сосуд с ЭВ, заполненный до отказа. Эш прождал несколько месяцев, но Профессор не вернулся, и тогда юноша, решив обхитрить Профессора, отправился на «Второй звезду» в утро того дня, когда Профессор покинул город, надеясь перехватить его, предупредить, что что-то точно пойдет не так, и отговорить от этой затеи.

Чисто теоретически возвращаться в прошлое и менять ход событий было нельзя. Но тогда Эша уже начали мучить превспоминания, а вместе с ними – и отчаяние. Умереть он не был готов.

Впрочем, план все равно не удался. Корабль Эша сломался в воде по пути в гараж. Пока он подлатал свою «птичку» и добрался до пункта назначения, Профессора уже и след простыл. На следующий день Эш повторил попытку, но с тем же успехом. И так происходило изо дня в день. Изо дня в день.

К стыду своему, Эш далеко не сразу понял, что никогда не сможет пересечься с Профессором до его отбытия, ведь именно это отбытие и стало причиной его отправления в прошлое.

Таков уж парадокс, называемый причинно-следственной петлей. Вернуться в прошлое и изменить то событие, из-за которого ты в него вернулся, нельзя. Если бы план Эша удался и он вернулся бы в тот самый день и остановил Профессора, то Профессор, само собой, не смог бы исчезнуть. И тогда пропала бы сама причина возвращаться в прошлое. Парадоксально.

От мыслей об этом у Эша аж голова разболелась, точно от сложной загадки, которую он сам для себя в теории разгадал, но никому объяснить не сможет. Да и вообще, Эш не то чтобы всерьез надеялся отыскать Профессора в одиночку. Он просто не мог сидеть сложа руки. Деятельность спасала его от навязчивых мыслей о неминуемой смерти.

Черная вода, белые волосы, нож под ребра.

Он почесал подбородок, вдруг ощутив бесконечную усталость. Эш не знал, можно ли положить конец превспоминаниям, ведь это, по сути, были воспоминания о реальных, просто еще не произошедших событиях. Но он твердо верил, что если кому и под силу ему помочь, то только Профессору. И если тот пропал навеки, то нужно распрощаться и со всякой надеждой пережить собственное восемнадцатилетие.

– У меня появился новый план, который помешает превспоминаниям сбыться, – поведал Зоре Эш, захлопнув дверь в кабину. – Но, к сожалению, для его выполнения нам придется стать парочкой.

– А как же твое правило ни с кем не встречаться? Решил его нарушить? – поинтересовалась Зора, не отрывая глаз от двигателя.

– Ради тебя сделаю исключение. Превосходный же план, скажи? У тебя и волосы не белые. К тому же ты вряд ли станешь нападать на меня с ножом.

– А еще меня тошнит от одной мысли о поцелуе с тобой!

– У нас будут исключительно целомудренные отношения!

– И все же ты ошибаешься, – сказала Зора. – У меня есть минимум три причины напасть на тебя с ножом. А то и четыре, учитывая, что ты не вымыл за собой посуду утром!

– Ну ты и зануда! – крикнул ей Эш.

Зора встала и снова вытерла руки о джинсы. Она была удивительно похожа на отца: те же широкие плечи, темная кожа, густые черные волосы, которые она заплетала в косички, а потом скручивала в объемный пучок на затылке. У них были одинаковые носы – волевые и крупные – и одинаковые черные глаза, а еще они одинаково улыбались краешком рта, когда кто-то валял дурака. Эшу часто приходилось напоминать себе, что они все же разные люди. Зора тоже не знала, куда отправился отец.

«А если ты тоже умрешь...»

Эш помотал головой. Заверил себя, что Зора совсем не то имела в виду. Профессор вовсе не мертв. Он пропал – только и всего.

Он повернул ручку на двери в грузовой отсек и распахнул ее.

– Когда я воевал, у нас было свое название для...

Тут он осекся. Слова так и застряли в гортани.

В грузовом отсеке «Второй звезды» сидела, съезжившись, та самая девушка из 1913-го в перепачканном и порванном свадебном платье.

Она откинула со лба влажные от пота пряди.

– Кажется, меня сейчас стошнит, – призналась она.

И ее вырвало. Прямо Эшу на ботинки.

Бортовой журнал

10 октября, 2073 год

22:47

Мастерская

Цель достигнута.

Я, профессор Захариас Уолкер, нахожусь на пороге крупнейшего научного открытия своей эпохи!

Даже не знаю, как достоверно передать мой восторг... Старомодные бумага и ручка милы сердцу фанатичного любителя истории и техники, но запиши я свое исследование на видео или голограмму, его можно было бы снабдить веселым роликом, во время которого я восторженно прыгаю чуть ли не до потолка и победно машу кулаками.

А на бумаге всех моих чувств и не передать. Но я все равно попробую.

Так вот: я построил машину времени.

Стоило мне только написать эти слова – и аж волосы на руках встали дыбом!

Я построил машину времени!

За последний год все теоретические физики, инженеры и математики, что только живут на планете, пытались добиться того же. Каждый день появляются новые сообщения об их неудачах, нехватке финансирования и досадных провалах.

А вот у меня получилось.

Думаю... Думаю, что войду в историю.

Моя жена Наташа считает, что этот журнал однажды опубликуют для будущих поколений, и потому мне стоит быть повнимательнее к тому, что я тут пишу. Так что я уже подумываю о том, чтобы вырвать предыдущие странички, а эту запись сделать первой. В конце концов,

лучше, чтоб никто не узнал, как я позабыл точный расчет расхода воды и с головой потонул в вычислениях! (Вот вам немного научного юмора!)

Впрочем, давайте сперва разберемся со всеми этими скучными деталями. Итак, меня зовут Захариас Уолкер. Мне тридцать восемь лет, и я профессор математики в Академии продвинутых технологий Западного побережья (АПТЗП).

Последние годы я изучаю свойства экзотического вещества. Для тех, кто не следит за научными сплетнями (как так можно вообще, не понимаю!), уточню, что исследования экзотического вещества пользовались в научных кругах большой популярностью лет десять назад, когда НАСА в рамках миссии «Сириус-5» забрало с внешнего края черной дыры под названием MWG2055 – первой черной дыры, открытой в нашей Галактике, – образец некоего вещества. Как вы, наверное, знаете, экзотическое вещество в корне отличается от обычного и обладает «экзотическими» свойствами – иными словами, имеет ряд качеств, которые нарушают все известные законы физики.

Интерес к этой теме поугас по довольно-таки простой причине: вещества привезли слишком мало, и на всех ученых его попросту не хватило. Впрочем, нет, «поугас» – неправильное слово. Об экзотическом веществе по-прежнему много говорят, вот только следующий полет к черной дыре MWG2055 случится не раньше 2080 года, а на сегодняшний день грант на исследование получил только мой проект.

Мне страшно повезло, и это еще слабо сказано. Сейчас ЭВ хранится в здании АПТЗП, а я нередко обедаю в том же кафе, что и половина членов совета попечителей... Но все это не столь важно. Весь год я изучал свойства ЭВ и выяснил, что оно стабилизирует анил!

Вы все, конечно, хорошо осведомлены об *аниле*. Открытие Пьюджетского анила, произошедшее 10 июня 2066 года, можно сравнить с высадкой человека на Луну! Кротовые норы всегда считались крошечными, тоненькими трещинками в пространстве и времени, но анил – по сути тоже кротовая нора – поистине огромен. Сквозь него может путешествовать даже человек.

На сегодняшний день Пьюджетский анил, по счастью расположенный как раз неподалеку от Сиэтла, не имеет аналогов.

После его открытия каждый хоть сколько-нибудь уважающий себя ученый-теоретик взялся за разработку реалистичного плана использования анила для пространственно-временных путешествий.

К несчастью, Пьюджетский анил не может похвастаться стабильностью. Внутри него дуют такие сильные ветра, что по сравнению с ними даже самый мощный ураган покажется легким бризом. На сегодняшний день в нем смогли побывать лишь двое. Первый человек погиб мгновенно. Второй находится в реанимации. Если не ошибаюсь, врачи пытаются нарастить ему новую кожу.

Но экзотическое вещество не дает этим кровожадным стенам разорвать человека на части.

Правда, в действительности все не так просто. Путешественнику непременно нужно судно, в котором необходимо правильно разместить экзотическое вещество, чтобы оно защитило нормальное вещество от распада. (Под «нормальным веществом» ученые в данном контексте понимают все, что не является веществом экзотическим. Например, человека.)

Последний год я всеми силами восстанавливал старый «бородавочник» А-10 и, кажется, придумал, как поместить ЭВ в корабль, не нарушив его целостности. Если моя теория оправдает себя, то ЭВ передаст мне свои экзотические свойства, когда я попаду в анил. А если говорить еще проще, то кожа с меня не слезет.

Анил – это по сути туннель, по которому можно вернуться назад во времени. Следовательно, если мои расчеты окажутся верными, я смогу улететь на своем усовершенствованном истребителе в *прошлое*!

И самому не верится, что я написал эти строки.

Надо бы сделать паузу. Обдумать написанное.

Чисто технически ЭВ – это собственность академии. И пользоваться им можно «исключительно в исследовательских целях». Стало быть, если я хочу испытать свое изобретение, мне придется пойти на преступление.

Даже не знаю, какое наказание полагается за кражу университетского имущества. Большой штраф? Тюремный срок? Линчевание?

Впрочем, может статься, что я вообще не переживу путешествия через анил. Это ведь еще никому не удавалось. Помимо жены у меня есть тринадцатилетняя дочка Зора. Это она назвала мою машину времени «Второй звездой», позаимствовав это название из «Питера Пэна», где говорится, что до Нетландии можно добраться, если лететь «от второй звезды направо и прямо до утра». Как бы там ни было, а умирать, не увидев, какой вырастет моя дочка, я совсем не хочу. Стоит, по всей видимости, принять этот факт во внимание.

И, конечно, не нужно списывать со счетов землетрясения.

Мы все надеялись, что это просто какая-то странная аномалия, связанная с изменениями климата, вот только что-то слишком уж часто она напоминает о себе. Последнее землетрясение случилось всего пару лет назад, а его мощность оценивалась в 4,7 балла. Конечно, могло быть и хуже, но если такое случится, когда я буду в полете, мне придется иметь дело с волнами. Причем с огромными.

И тогда меня ждет мгновенная смерть. Это как пить дать.

Иными словами, мое предприятие стоит того лишь в том случае, если окончится успехом. Если у меня будут гарантии.

Есть о чем поразмыслить.

Обновление от 23:13

Есть идея. Странноватая, конечно, но какая, к черту, разница? Мы ведь, в конце концов, говорим не о чем-нибудь, а о путешествиях во времени!

Так вот, мне нужен знак.

И, кажется, я придумал, как добиться цели.

Свою миссию я назову «Хронос-1» – в честь древнегреческого бога времени.

Моя цель: завтра, 11 октября, в 8:00, я полечу на «Второй звезде» в Пьюджетский анил. Если экзотическое вещество сможет его стабилизировать – а я полагаю, что да, – я отправлюсь в прошлое, в 23:13 10 октября и встану на тротуаре перед собственной мастерской. И помашу.

Сейчас я, само собой, сижу в этой самой мастерской. На календаре 10 октября, а на часах – 23:13.

А значит, на тротуаре неподалеку должен стоять я из будущего. И махать, как безумный. Пойду погляжу.

Обновление от 23:15

Путешествиям в прошлое – быть!

5. Дороти

14 октября, 2077 год, Новый Сиэтл

Видения, заполнившие сознание Дороти, нельзя было назвать ни воспоминаниями – они были слишком уж отчетливы, ни грезами – они были чересчур детальными. Казалось, она смотрит немое кино обо всех странных и прекрасных моментах, что ей доводилось переживать в жизни, разом.

Ей пять лет, и она бежит босиком по заросшему полю неподалеку от их домика в Небраске. Небо такое голубое – до рези в глазах! – и такое бескрайнее – просто дух захватывает! И кажется, что можно вечно так бежать.

...Ей уже двенадцать, и она стоит на холоде у таверны в Солт-Лейк-Сити. Мама перед этим нещадно щипала ей щеки, чтобы придать им румянца, и кожу до сих пор саднит.

...Ей шестнадцать, и она сидит на самом краешке жесткого кресла в гостиной у Эйвери. А рядом с ней – мужчина со светлыми кудрями и недоброй улыбкой. Он тянется к ней, берет за руку.

...И вот она уже стоит на коленях на поляне неподалеку от церкви, где должна пройти ее свадьба. Она вся в крови и кричит что есть силы.

«Нет! – твердо воскликнул голос у нее в голове. – Этого еще не случилось».

Видения ускорились, и Дороти уже не могла различить ничего в вихре силуэтов и цветов. Голова пошла кругом. Внутри все сжалось.

«Я, наверное, умираю», – подумалось ей.

А потом она очнулась.

К ней склонилась смуглая девушка с черными волосами, ниспадавшими на плечи. Незнакомка прижимала влажную тряпицу ко лбу Дороти.

– Очнулась! – воскликнула девушка и поправила свои тяжелые темные очки. – Слава богу! Без обид, но мне как-то совсем не хотелось промакивать тебе лоб до самого утра. Зора решила, что ты вот так часами валяться будешь, но я ей сказала, что это чушь! Вечно у нее сдают нервы, когда не получается контролировать все до мелочей! Ну, ты и сама в этом еще убедишься. Как ты ухитрилась пробраться на «Вторую звезду» тайком? Это прям серьезное достижение! Эш мне даже *трогать* корабль не разрешает!

Все это незнакомка протараторила за один миг, а в ее речи Дороти уловила незнакомый акцент.

Дороти села и с тяжело бьющимся сердцем огляделась. Под ней лежал бугристый матрас, а сама она находилась в комнатухе с низким потолком и без окон. Вдалеке слышался гул голосов.

– Где я? – сдавленным голосом спросила она. В горле пересохло. – Кто... кто ты такая?

Девушка убрала тряпку в черную кожаную сумку, напоминавшую портфель, в котором Эйвери хранил свои инструменты, только у этой сумки стенки были жесткие, а не мягкие, а серебряные пряжки сияли куда ярче.

– Меня Чандра зовут, – представилась девушка и снова поправила очки. – Ты прилетела сюда с моим другом Эшем. Помнишь Эша? Дерзкий такой парнишка. Глаза – загляденье, но пахнет от него так себе. Так и хочется предложить ему хотя бы изредка брызгаться одеколоном, чтоб перебить вонь машинного масла!

– А... – Вспомнив пилота с золотистыми глазами, Дороти почувствовала, как краска заливает щеки. Так значит, его зовут Эш. На память пришел сухой дымный запах, исходивший от его кожи.

Вообще, она планировала сбежать из самолета, пока ее никто не заметил, но полет прошел как в тумане. Она с трудом припомнила, как спряталась в узком темном углу и как внутри у нее будто все оборвалось, когда самолет взмыл в воздух...

А потом ее поглотили мучительные воспоминания и грезы, казавшиеся чуть ли не реальностью.

Дороти прижала руку ко лбу, невольно поморщившись от смущения.

Чандра, казалось, избегает ее взгляда. Она достала из своей сумки стопку одежды и положила ее рядом с Дороти.

– Вот. Вещички тут, конечно, не бог весть какие, но не можешь же ты и дальше разгуливать в своем платье. Наверное, одежда будет тебе не по размеру, но это все, что мы пока смогли отыскать, – поведала она, резким движением закрыла сумку и шагнула к двери. – Дам тебе переодеться спокойно...

– Погоди! – воскликнула Дороти, спустив одну ногу с матраса. – Ты не...

Но Чандры уже и след простыл: она выскользнула из комнаты, захлопнув за собой дверь.

Дороти покосилась на стопку одежды, оставленную девушкой. К благотворительности она относилась без восторга. По своему опыту Дороти отлично знала, что ничего не дается даром, и если человек делает тебе добро, то ждет за него воздаяния, даже если молчит об этом. Поэтому-то она предпочитала красть – это, по крайней мере, было честно, пускай и по-своему.

Но Чандра была права: нельзя и дальше разгуливать в перепачканном свадебном наряде.

Дороти стащила с себя платье и взяла стопку одежды. В ней обнаружили брюки и тонкая белая рубашка.

Рубашку она надела прямо на корсет, а потом, нахмурившись, принялась рассматривать штаны. Ни разу в жизни она не носила брюк! Натянув их на талию, она старательно застегнула огромные пуговицы. Брюки ей и впрямь оказались великоваты, несмотря на то, что Дороти трижды подвернула пояс и штанины снизу. Она встала, вытянула руки в стороны и сделала по комнате несколько осторожных шагов.

Штаны оказались на удивление удобными. Подумать только: и почему ей никто об этом не рассказывал? Теперь никакие юбки не опутывали ноги, не сковывали шаг! Дороти пробежала рукой по ткани, и пальцы нащупали толстый шов. *Карманы!* В точности как у мужчин! Она попрыгала на месте, проверяя, не сползут ли штаны с бедер, но они держались.

У стены стояло большое зеркало. Дороти подошла к нему, разглядывая свой новый облик. Мешковатый неряшливый наряд казался мальчишеским и совсем не походил на ее великолепное свадебное платье, в котором она блистала еще утром.

Улыбка тронула ее губы. Тем лучше!

Дороти потянулась к двери, но вдруг нервно отдернула руку. Чандра ведь не сказала ей, где они находятся! Сама мысль о том, что, покинув пределы этой комнаты, она может столкнуться бог знает с чем, невероятно ее встревожила. Она ведь ничегошеньки не знала об самолетах. Не знала, с какой скоростью они летают, на какие расстояния, и не имела ни малейшего понятия, сколько времени она провела в тесном грузовом отсеке и в какую точку мира ее занесло.

По спине от странной смеси ужаса и восторга пробежали мурашки. Как знать, может, это место кишит *опасностями*?

Но разве она пробралась на борт самолета не для того, чтобы сбежать как можно дальше? Чтобы начать все заново? Ведь до сегодняшнего дня ее жизнь состояла из вереницы пыльных городков да бескрайней шеренги франтоватых джентльменов с голодными глазами. Самолет – это знак, посланный ей свыше. Знак того, что в жизни есть место большему. *Всегда.*

Дороти приоткрыла дверь, и перед ней предстал темный и мрачный коридор, в котором не было никого, если не считать пилота, сидевшего на железном стуле в нескольких футах от нее.

Девушка нахмурилась.

Кажется, пилот не слышал, как она открыла дверь. Он сидел, склонившись над бесформенным куском дерева, и ловко обтачивал его ножом. На этот раз он был раздет до майки, а куртка висела на спинке стула. От него по-прежнему пахло аэропланами, и этот запах защекотал Дороти нос. Чандра в этом не права: аромат никак нельзя было назвать мерзким. А в сравнении с надоедливой одеколоном, которым всегда щедро брызгался Эйвери, он и вовсе казался Дороти приятным и пробуждал у нее мысли о приключениях и дальних странствиях.

Но сам парень... Дороти склонила голову набок, скользя взглядом по мускулистой спине и плечам. Она вновь задумалась о том, до чего же он не похож на мужчин, с которыми она привыкла иметь дело. Сперва ее это даже привлекло, но теперь ей вдруг подумалось, что ее мать недаром предпочитала джентльменов. А этот человек без зазрения совести готов был бросить ее одну в лесу, несмотря на то, что она просила – нет, даже умоляла! – его о помощи. Он явно был юношей самым что ни на есть беспардонным, а пожалуй, даже и грубым. Пускай Эйвери и перебарщивает с одеколоном, он бы ни за что не бросил даму в лесу одну.

«Так-то оно так, но ведь он непременно потребовал бы за это награды», – пронеслось у Дороти в голове. Но она отогнала эту мысль. В конце концов, *все* ждут награды за помощь. Ничего не бывает просто так.

Она нырнула рукой в карман и обхватила холодные металлические часы, которые выкрала у пилота. Увы, денег за них выручить вряд ли удастся.

«С таким водиться – себе дороже», – наверняка сказала бы ее мать о пилоте. И как ни горько было Дороти это признавать, это была чистая правда. И все же, понимая, что незамеченной она мимо пилота никак не пройдет, она шумно прочистила горло.

– Господи! – вздрогнув, воскликнул Эш. – Тебе что, колокольчик на шею повесить? Я себе чуть палец не отрезал! – сообщил он и почему-то пригрозил ей. Дороти нахмурилась.

– Куда ты меня затащил? – спросила она и вышла в коридор.

Эш сдернул куртку со спинки стула и набросил на плечи.

– Затащил? – изумленно переспросил он и тряхнул головой. – А где же «спасибо за то, что убрал за мной рвоту и вынес меня из гаража, когда я свалилась в обморок»?

Дороти вздрогнула. Она не помнила ни как ее рвало, ни обморока, и от осознания того, что с ней произошло и то и другое, кровь прилила к ее щекам.

Она всмотрелась в самую глубь темного коридора. Окон там тоже не было, но откуда-то издали доносились громкие голоса. На стенах темнели грязные пятна, а в воздухе стоял тяжелый запах жареной рыбы и пива.

Дороти поморщилась.

– Это что, *бар*?!

– Тебе, как я погляжу, такие заведения не по статусу, а? – весело уточнил Эш, улыбаясь во весь рот. – Один наш друг сдает тут комнаты в аренду и притом не задает лишних вопросов. Я живу на другом конце города. Мы решили, что это местечко больше тебе подойдет.

– Не задает лишних вопросов, – сухо повторила Дороти. Таких мужчин она знала не понаслышке, хотя ни за что не стала бы этим хвастать. С каждой секундой Эш падал в ее глазах ниже и ниже. – Выходит, ты частенько таскаешь по барам обморочных барышень?

– Нет, дорогуша, ты первая.

– Не называй меня так! – воскликнула Дороти, скривившись. Она терпеть не могла все эти ласковые словечки вроде «дорогуш», «принцесс» или «милочек». Чаще всего ими пользовались влиятельные мужчины, подчеркивая тем самым, что вся власть у них, а у нее есть разве что хорошенькое личико. – Меня зовут Дороти, хотя тебя это, судя по всему, мало волнует.

– Пусть это и прозвучит грубо, но что-то, а имя девчонки, которая тайком прокралась ко мне на борт, меня вообще не интересует, – резко отозвался он и провел рукой по волосам, а потом добавил, понизив голос почти до шепота: – Между прочим, этот отсек даже не герметичен! Повезло тебе, что в живых осталась.

Дороти уже начала уставать от этой беседы. Она подтянула свои чересчур свободные штаны повыше, почувствовав, как перекатились в кармане украденные часы. Может, продать их и впрямь не получится, но для нее они по-своему ценны, учитывая, у какого мерзкого типа она их стащила. В голове вдруг пронеслось: «Пускай так, но ведь я выжила! А значит, я особенная!» – и Дороти улыбнулась.

Эш остановил взгляд на ее улыбке, наверняка гадая, что ее насмешило. Ей вдруг нестерпимо захотелось выхватить часы из кармана и потрясти ими у пилота перед глазами. Гляди, мол, что я у тебя стащила!

– А еще тебе очень повезло, что я тебя не убил, – нахмурившись, закончил Эш.

Эти слова ее уже заинтересовали.

– А почему, собственно? Почему ты меня не убил? Я ведь, как ты любезно выразился, «тайком прокралась» к тебе на борт! Так что же я тут делаю? – спросила она, вспоминая, как Чандра смачивала ей лоб, как принесла ей одежду. – Зачем ты мне помогаешь?

Эш ответил не сразу, явно тщательно подбирая слова:

– Если коротко, то Зора просила подыскать для тебя безопасное убежище. Видимо, не хочет, чтобы твоя смерть была на ее совести.

Убежище. Это слово разрезало воздух, точно молния.

Она ведь знала, что там, куда направлялся пилот, и впрямь очень опасно.

Стараясь скрыть свой испуг, она сглотнула.

– А поподробнее можно? – спросила она.

– Честно? Мне хотелось посмотреть на твое лицо, когда ты поймешь, куда попала.

– Ты про подводные города, исчезающих старушек и девушек-каннибалов? – уточнила она, старательно делая вид, будто шутит.

Эш улыбнулся в ответ – и это была искренняя, теплая улыбка, а не тот страшный оскал, который она видела раньше. Он поднялся с места и зашагал по извилистому коридору, посмеиваясь себе под нос.

«Выходит, это и впрямь шутка. Так?» – подумалось Дороти. Ее решимость заметно поколебалась.

Но, стиснув зубы покрепче, она направилась следом.

Коридор вывел их в людную, шумную таверну, уставленную разномастными столами и стульями. Свечи отбрасывали бледный свет на толпу смеющихся гостей. В Дороти вдруг вспыхнул интерес. Они явно пришли в бар, вот только он был совсем не похож на те, что ей доводилось видеть. На глаза ей попало несколько металлических столов и стульев, окруженных набивными креслами, которые куда больше бы подошли для гостиной. Окон здесь почти не было, зато стены были увешаны очень странным «убранством» – покрышками, картинами, нарисованными маслом, старыми куклами.

А еще среди гостей были женщины! Дороти привыкла, что, кроме них с матерью, в барах дам не бывает, но тут их было полно – и они тоже пили, совсем как мужчины, да и одеты были так же – в брюки и куртки, а волосы у них были зачесаны назад и уложены в объемные пучки. Дороти боялась, что в своей мешковатой одежде и с растрепанными волосами будет привлекать слишком много внимания, но она безупречно вписывалась в местное общество. Подумать только...

Интересно, как тут относятся к сухому закону? Дороти слышала, что в некоторых городах торговля спиртным официально запрещена и осуществляется «подпольно», но они с матерью предпочитали в такие города не ездить. Как-никак трезвого мужчину одурочить куда сложнее.

Она обвела взглядом комнату, выискивая выход. Остаться с пилотом ей совершенно не хотелось. Теперь, когда он открыто упрекнул ее в том, что она пробралась к нему на корабль, он наверняка начнет тщательнее следить за своими карманами, а ей ведь нужны деньги! И *серьезные*, а не та мелочовка, которую можно выручить за грошовые часы. Чтобы выжить здесь – где бы это «здесь» ни находилось, – ей понадобится кругленькая сумма.

По счастью, в баре былолюдно и тесно, и потому Дороти не составило бы труда умыкнуть у кого-нибудь наручные часы или выудить кошелек из кармана. У нее аж пальцы зазудели.

Но тут она вдруг почувствовала на спине руку Эша. Парень обошел ее, вынырнув из толпы, и кивнул куда-то в сторону со словами:

– Команда вон там.

– Команда? – У Дороти по спине побежали мурашки. Эш явно хотел ее задержать, но предпочел пока обойтись без грубой силы. Его касание было таким невесомым, точно он боялся ее трогать. – Какая еще команда?

Эш повел ее в самую гущу толпы, расталкивая людей плечами. Вполне можно было бы отдавить ему ногу и броситься наутек, но в баре было тесно, а выхода Дороти так и не увидела. К тому же ее проникновение на аэроплан вполне можно было назвать незаконным. Эш, конечно, не упоминал, что заявит на нее в полицию, но ей вовсе не хотелось давать ему повод принять такое решение. Как-никак она еще была несовершеннолетней. А значит, полицейские могли запросто связаться с ее матерью.

Прикусив изнутри щеку, она решила не сопротивляться. Эш проводил ее до столика в дальнем углу бара. За ним уже сидела Чандра, а напротив нее – рослый, еще более смуглый парень с тугими косичками черных волос и серьезным лицом.

Но стоило Дороти присмотреться, и она поняла, что это вовсе не парень, а *девушка*.

– Видишь! Я же тебе говорила! Она просто сногшибательная красотка! – воскликнула Чандра и подвинулась, уступая Дороти местечко. – Эш, почему ты нам об этом не сказал?

– Только не вздумай дружбу с ней заводить, – буркнул Эш, подвинув себе стул и усевшись во главе стола. Дороти заметила, как он скользнул по ней оценивающим взглядом, точно проверяя, насколько справедливы слова Чандры. – С нами она не останется.

– Это тебе не бродячая кошка, Эш, – заметила девушка, которую Дороти сперва приняла за парня. – Не тебе решать, что с ней делать, – сказала она и повернулась к Дороти. – Меня зовут Зора. Рада познакомиться.

Она протянула Дороти руку, точно джентльмен джентльмену. Дороти пожала ее, и по спине пробежали восторженные мурашки. Зора и сидела по-мужски – ноги широко расставлены, руки лениво скрещены на груди. Лоретта наверняка назвала бы эту позу неприличной, но Дороти невольно восхитилась тем, как расслабленно держится Зора. При взгляде на нее не возникало впечатления, что она стремится подражать мужчинам. Скорее, что ей плевать, что они о ней думают.

«Наверное, она суфражистка», – решила Дороти, усаживаясь на скамейку рядом с Чандрой. И только тогда она заметила за столом четвертого человека. Он был высок и широкоплеч – пожалуй, таких великанов Дороти еще не встречала! – но в полумраке это не бросалось в глаза. На фоне его черной одежды особенно выделялись светлые волосы и кожа. Лицо, поражавшее худобой, было туго обтянуто кожей, особенно на подбородке и скулах.

– Меня зовут Уиллис, – представился он и кивнул Дороти. Голос у него был низкий и бархатный, как у джазового певца. – Рад познакомиться.

– А я Дороти, – ответила она, резко насторожившись. Их четверо, а она – одна. Шансы у нее невелики, если дойдет до худшего.

И вдруг ее, точно нож, пронзило осознание. Подумать только, она ведь и впрямь совсем *одна*! Впервые за всю свою жизнь! В соседней комнате ее не поджидает мать, пряча в склад-

ках пышной юбки пистолет, украшенный жемчугом. Она всецело во власти этой странной четверки. С ней могут сделать что угодно.

Но Зора только пододвинула ей бокал с каким-то прозрачным напитком:

– Держи. Это «Лунный свет». Данте сам его готовит, так что на вкус он напоминает... бензин. И все же выпить тебе сейчас не помешает.

Дороти опустила взгляд на бокал, но отпивать не спешила. Однажды ее мать подсыпала мужчине в напиток немного ипеакауаны, пока тот не видел. Следующие двадцать минут беднягу нещадно рвало прямо на пол, а мать промакивала ему лицо платочком, отвлекая его внимание, а сама тем временем подчищала его карманы. После того случая Дороти взяла за правило не притрагиваться к угощениям незнакомцев.

– Спасибо, – сказала она, чтобы усыпить бдительность Зоры. А потом обвила пальцами бокал и стала ждать, что будет дальше.

За столом повисло молчание, прерываемое только негромким звоном бокалов и глухими смешками, доносившимися из глубины бара. Вся четверка не сводила с Дороти глаз.

Время шло, но никто не подал голоса. Тогда Дороти прочистила горло и взяла инициативу в свои руки:

– Может, кто-нибудь уже скажет мне, где мы?

Чандра нервно хихикнула, а потом прошептала:

– Разговор намечается интересный.

– Тс-с-с. Должна же она узнать правду, – негромко заметил Уиллис.

– Пожалуйста, тихо. Мне надо подумать, – осадил их Зора и устало провела рукой по лицу. – Даже не знаю, с чего начать... обычно такие разговоры вел мой отец.

– Боже, ну сколько можно, – нетерпеливо пробурчал Эш, а потом повернулся к Дороти и сказал без обиняков: – Тут важнее не «где», а «когда». Мы в будущем. Если точнее, то в 2077 году.

Такого поворота Дороти никак не ожидала. Из груди вырвался изумленный смешок.

– Чего-чего?

– Я не шучу, дорогуша, – сказал Эш. – Ты пробралась вовсе не на аэроплан, а на борт машины времени. Мы по-прежнему в Сиэтле, вот только улетели почти на двести лет вперед. Сейчас это место называется Новым Сиэтом.

Дороти нервно сглотнула.

– Выходит, когда ты упомянул про команду, ты имел в виду команду...

Она покачала головой, чувствуя, что не в силах произнести эти слова.

Но Эш закончил за нее:

– Команду путешественников во времени. Круто, скажи?

– Эш, ты только хуже делаешь, – процедила Зора.

– Да куда уж хуже? Говорю же, она прокралась на борт тайком! – напомнил он, отведя от Дороти взгляд и скрестив руки на груди. – Вряд ли она заслуживает подробных разъяснений! Пусть это будет ей уроком. Нечего по чужим кораблям прятаться.

Уиллис нахмурился, и кончики его усов печально поникли.

– Как-то сурово ты с ней, Капитан. Она же новенькая!

– Вот-вот! Когда я тут впервые оказалась, я вообще приняла моторные лодки за ракшасов! Ракшасы – это демоны, питающиеся человечиною! – поведала Чандра, повернувшись к Дороти. – Зоре пришлось не спать всю ночь и сидеть со мной, держа меня за руку и повторяя, что лодки меня не съедят!

– Человечиной... – повторила Дороти, машинально поднеся к губам бокал. В последний момент заметив, что едва не отхлебнула «Лунный свет», она поставила напиток на стол, да так резко, что несколько капель выплеснулось через край. Впору было начать опасаться, что она не уследит за собой и все-таки его выпьет.

– Понимаю, трудно быстро осмыслить все эти новости, – сказала Зора. – Но я с удовольствием отвечу на все твои вопросы! Да и Эш...

– Вопросы? – изумленно выдохнув, повторила Дороти. – О чем? *О путешествиях во времени?*

Она и сама с трудом верила, что сказала это. Уж кому-кому, а ей доводилось выслушивать приукрашенные истории, но эта...

Эта просто ни в какие рамки не лезла. Дороти вскочила из-за стола и, заметив, что никто не собирается ее останавливать, сказала:

– Нет уж, спасибо, с меня хватит.

– Ты что, уходишь? – опечаленно спросила Чандра.

Дороти задержала взгляд на Уиллисе.

– А что, нельзя?

– Никто тебя тут не держит, – сказал Эш. Но уголок его губ дрогнул, точно он силился скрыть разочарование. А когда Дороти шагнула было в сторону, он поймал ее за запястье. – Но пообещай мне одно, дорогуша.

От его прикосновения по коже побежали мурашки.

– Я же просила так меня не называть!

Она дернулась в сторону в попытке вырваться, и, к ее изумлению, Эш тут же разжал хватку. Дороти пошатнулась и едва не упала.

– Хорошо, *Дороти*, – поправился Эш. Он впервые назвал ее по имени, и по спине у нее пронесся холодок, а внутри точно закопошились... нет, не бабочки – это было не настолько уж приятно. Скорее, мотыльки.

Одна мысль о том, что этот парень так на нее влияет – и не важно, к добру это влияние или к худу, – ужаснула ее до глубины души.

Взгляд Эша неожиданно смягчился. Он кивнул на дальний угол комнаты и сказал:

– Вон там есть туалет, а в нем – окошко. Пообещай, что сперва выглянешь наружу.

Дороти вскинула подбородок, мысленно приказывая мотылькам в животе поскорее умониться.

– Но зачем это?

Эш пристально посмотрел на нее, и ей вдруг захотелось сквозь землю провалиться. Он пригубил прозрачную жидкость из ее нетронутого бокала.

– Просто доверься мне, – сказал он. А потом, немного подумав, уточнил: – Если вообще можешь доверять.

Бортовой журнал

11 октября, 2073 год

17:01

Мастерская

Миссия «Хронос-1» прошла совсем не по плану.

Дело в том, что никто еще не исследовал анил изнутри. Это было невозможно по очевидной причине: мы не знали, как его стабилизировать. У меня, конечно, были предположения о том, что может нас там поджидать, но это были лишь теории.

ЭВ повело себя ровно так, как я и предсказывал. Стоило только встроить его в структуру «Второй звезды», как оно тут же создало вокруг корабля и его пассажиров (точнее, пассажира) защитный купол. Стрелка на датчике ЭВ, который я специально установил в свой корабль, на протяжении всего полета стабильно указывала на девяносто пять процентов.

По сути, я стал первым человеком, который смог проникнуть в анил и не лишиться корабля из-за тамошних бурь.

(Только вот камеры я с собой не захватил. Впрочем, не уверен, что она бы работала внутри этой пространственно-временной трещины, но все равно обидно.)

Но раз фотографии нет, опишу увиденное словами.

Итак, диаметр анила составляет примерно двадцать метров, а стены представляют собой то ли облака, то ли клубы дыма. Цвет стен постоянно меняется по мере того, как путешественник преодолевает эпохи, и из темно-серого постепенно становится голубым, а потом вновь темнеет до черного. Время от времени за толщей облаков мелькают молнии, а еще я несколько раз замечал проблеск далеких звезд – во всяком случае, так мне показалось.

И все шло хорошо, пока не настало время покинуть анил. Если помните, моя цель состояла в том, чтобы отправиться во вчерашний день, встать у окна собственного кабинета и помахать. Звучит проще некуда, правда?

Но, увы, как и все выдающиеся научные достижения, это досталось мне дорогой ценой.

Сперва надо было понять, как переместиться во вчерашний день. Нырнув в туннель, путешественник сразу же оказывается на развилке, что вполне логично. Один путь ведет в прошлое, а второй – в будущее. Я решил последовать логике и выбрал путь исходя из западного восприятия понятий «назад» и «вперед». Иными словами, я повернул налево.

Прекрасный выбор! Конечно, шансы мои были пятьдесят на пятьдесят, но я был вполне собой доволен. Еще бы, ведь научная интуиция выручила меня в трудную минуту!

Но потом подвела, и по-крупному. Когда возник вопрос, сколько же мне лететь, чтобы вернуться во вчерашний день, я вновь положился на интуицию. И решил, что хватит и часа.

Признаю, что действовал наобум. Мне показалось, что часа должно хватить, что это очень удобный и приметный отрезок времени, и с него логичнее всего начать.

И я оказался в 1880-х. И уже по отсутствию на побережье электрического света понял, что ошибся. В те годы Сиэтл был маленьким портовым городом, и на берегу виднелись лишь деревянные домишки и пристань, окруженная парусными лодками. Я бы с удовольствием спустился на землю и побродил по Сиэтлу почти двухсотлетней давности, но на мне были джинсы и футболка, а еще я очень переживал, что кто-нибудь заметит мою машину времени и меня тут примут за Бога. (Шутка! Впрочем... как знать!)

Однако эта ошибка дала материал для расчетов. Часовой полет в аниле = примерно две-сти лет. Эти данные помогли мне точнее просчитать момент высадки.

Но я все равно промахнулся аж на три недели.

И все же толика везения в этом была, ведь я попал не на три недели позже, чем надо было, а на три недели раньше и принялся бродить по Сиэтлу в кепке, силясь припомнить, куда же в те дни ходил «сегодняшний я», и надеясь, что не узнаю сам себя, если вдруг столкнусь с собой в магазине.

Знаю-знаю, вы сейчас наверняка подумали: «Три недели бродить по городу, скрываясь от собственной жены, ребенка и «сегодняшнего себя» – это, пожалуй, чересчур». Да, конечно, полностью с вами согласен. Но в этом промедлении были и свои преимущества. Я снял себе номер в самом дешевом мотеле, какой только смог отыскать, а освободившееся время потратил на разработку более жизнеспособной техники стабилизации анила, а впоследствии составил даже целый проект серии «исследовательских полетов сквозь пространство и время».

И хотя мое открытие имеет шансы стать поистине революционным, я нахожусь только в начале исследования. Мы ведь еще столько не знаем об аниле, путешествиях во времени, физике пространства и времени. Эти три недели были мне совершенно необходимы – благодаря им я смог еще раз проанализировать свое исследование, не переживая о том, как бы меня не перегнал другой физик или математик.

Сегодня утром АПТЗП одобрили мою заявку на грант и разрешили собрать небольшую команду помощников для следующей ступени исследования. И теперь у меня на столе высится гора резюме.

Первая задача: найти ассистента.
Ассистент мне сейчас просто необходим.

6. Эш

14 октября, 2077 год, Новый Сиегл

Эш проводил Дороти, нырнувшую в толпу, долгим взглядом. Чувство вины окутало его плотным туманом. По опыту он знал, что человеку несведущему нужно время, чтобы осмыслить всю эту историю с путешествиями во времени. И нечего ему было так выделяться! Истинный джентльмен ни за что бы...

Но тут он мысленно осадил себя. Он ведь ей ничего не должен! Ему попросту вскружила голову ее красота – только и всего.

Но дело было не только в этом. Эш ведь и раньше встречал хорошеньких девушек. За последний год ему пришлось дать от ворот поворот многим из них, ведь он твердо решил ни с кем не встречаться, пока не разберется толком с тем странным превспоминанием. Но между ним и Дороти было что-то еще. Что-то, что ощущалось чуть ли не на физическом уровне.

Какая-то *близость*. И пускай они познакомились всего несколько часов назад, Эшу казалось, что он знает ее давным-давно.

Но дело наверняка в том, что она им манипулирует! Еще на поляне он заметил, как она кокетливо взмахивает ресницами и склоняет голову набок, пытаясь очаровать его, убедить, что она ему друг, что ей можно довериться.

Но стоило ему отвернуться...

Его вдруг охватило бесконечное отвращение к самому себе, и он недовольно тряхнул головой. Больше он такой оплошности не допустит. Мало кто на свете заслуживает больше сочувствия, чем эта девчонка, пробравшаяся на борт машины времени в свадебном платье.

Но она сама виновата в своих бедах.

Впрочем, Зора его чувств явно не разделяла.

– Да что с тобой сегодня такое?! – накинулась она на него.

Эш отвел взгляд от Дороти и стал сосредоточенно рассматривать свой – точнее, *ее* – бокал с остатками прозрачной жидкости.

– Но она и впрямь пробралась на борт незаконно. По какому такому праву мы перед ней в долгу? Я что-то упустил?

– Но она ведь совсем одна...

– А теперь объясни, почему это должно нас заботить, – потребовал он. Этот разговор вызывал у Эша очень странные чувства. С какой стати Зора так переживает о какой-то незнакомке? К чему ссориться? Им что, заняться нечем? – Напоминаю, Зора, я *не приглашал* ее на борт.

Зора устало потерла глаза.

– Мне надо выпить.

Эш выразительно поднял бокал Дороти.

– Ну что ж, более подходящего места тебе не найти.

Зора поднялась с места и с укором посмотрела на друга.

– Поостынь, пока она не вернулась. И чтобы я ни слова больше от тебя не слышала.

– Стой! – возмущенно воскликнул Эш, но Зора уже нырнула в толпу, ни разу не оглянувшись.

По спине пробежал неприятный холодок. Эш вновь пригубил из бокала. Рядом с Дороти он и впрямь терял самообладание, и не только потому, что случайно выкрал ее из прошлого. С самого появления превспоминаний он не общался с девушками, если не считать Зоры и Чандры. Да что там: он даже смотреть на них спокойно не мог – воображение тут же рисовало лодку на черной воде и поцелуй, закончившийся ударом ножом под ребра. В какой-то момент

он решил, что если станет избегать девушек, то превспоминание не сбудется: любимая попросту не сможет его убить, если он ни в кого не влюбится. А тут чья-то невеста из 1900-х без спроса проникает к нему на корабль и врывается в его жизнь!

И вот он уже ни о чем, кроме нее, и думать не может.

Эш пригладил волосы, стараясь не обращать внимания на громкий стук крови в ушах. Он хотел, чтобы девчонка исчезла. Но для этого придется совершить еще одно путешествие в прошлое. Потерять еще один день. А ведь время у него и так на исходе.

Когда Эш наконец окинул взглядом столик, он заметил, что Уиллис косится на него, а кончики его светлых усов подрагивают.

Внутри у Эша все болезненно сжалось.

– Ты что, *смеешься*?!

– Уж прости, Капитан. Я просто и представить себе не мог, что ты способен похитить невесту! – заметил Уиллис и разгладил усы. – Кстати, мазаль тов!¹

Чандру разобрал смех, причем такой сильный, что она случайно задела свой бокал локтем и пролила коктейль себе на колени. Уиллис протянул ей салфетку.

– Очень смешно, – проворчал Эш и нахмурился.

– Слушай, ну не начинай, – сказала Чандра. – Это же просто болтовня!

– Болтайте о чем-нибудь другом, а.

– Ну ладно! – Чандра склонилась к нему через стол и, понизив голос до доверительного шепота, поинтересовалась: – А ты слышал, что Квинн Фокс затачивает клыки напильником?

Эш стиснул зубы.

– О ней тоже ни слова.

Чандра закрыла рот и обиженно покосилась на Эша.

– И что же, нам сидеть в полной тишине, что ли?

– Чем тебе тишина не угодила? – спросил Эш и потер глаза.

– Расскажи ему о своей новой любви, а, Чанди, – сказал Уиллис и устало посмотрел на Эша. – О нем мы и разговаривали, пока ты не пришел, – пояснил он.

Чандра театрально вздохнула и посмотрела в дальний угол комнаты. Эш отпил еще немного «Лунного света» и проследил за ее взглядом. Чандра вперила его в коренастого бармена, который стоял за стойкой и сосредоточенно протирал бокалы.

Эш поперхнулся.

– Леви! – закашлявшись, выговорил он и постучал себя кулаком по груди. Горло точно огнем обожгло. – Неужто ты на него глаз положила?

Леви они знали уже давно. Его отец был хозяином этого бара.

– Я ее уже предупредил, что затея плохая, – сообщил Уиллис, разглядывая крупинку грязи, забившуюся ему под ноготь. – Да ты же бар уничтожишь, Чанди!

– А вот и нет! – возмутилась Чандра и раздраженно откинулась на спинку скамейки. Она была немного – без малого на год – младше остальных и считала, что это дает ей право дуть губки и требовать всего, чего только захочется. – Может, лучше отправимся в прошлое? Во времена, когда флиртовать было *проще*! – предложила она. – Вот вы, например, знали, что в 1990-е одинокие женщины наряжались в свои лучшие наряды и приходили в бары, чтобы подцепить кавалеров?

– Она нашла какое-то старое телешоу, – пояснил Уиллис и промокнул усы уголком салфетки. Чандра обожала поп-культуру. Родом она была из Древней Индии, и когда-то Профессор специально усаживал ее перед телевизором, чтобы помочь ей освоить английский. И немного переусердствовал. Теперь она постоянно что-нибудь да смотрела и примерно каждую

¹ Здесь: «Поздравляю!» (*иврит.*) – Прим. перев.

неделю проникалась любовью к новому десятилетию. На прошлой неделе, к примеру, она сходила с ума по каким-то аниме из 2040-х. А на этой явно зациклилась на 1990-х.

– Вот откуда все это пошло, – добавил Уиллис, выразительно постучав по краю своего бокала. В нем плескался какой-то ярко-розовый напиток.

– Этот коктейль называется «Космополитен»! – поведала Чандра, теребя ножку своего бокала. – Красотища, скажите?

Эш нахмурился. Он и не знал, что у Данте в ассортименте есть такие вот розовые напитки.

– Тебе ведь всего семнадцать, – напомнил он. – Буду я тебя возвращать на восемьдесят лет назад, еще чего! Чтобы ты там пила да с мужиками заигрывала?

Чандра склонила голову набок и обвела его изучающим взглядом из-под очков. Стекла в них были такими толстыми, что ее черные глаза казались поистине огромными.

– Так значит, тебе одному можно невест из прошлого привозить?

Усы Уиллиса снова задрожали. Чандра залилась краской от смущения.

– Права была Зора, – сказал Эш и поднялся со скамьи. – Мне и впрямь надо «поостыть», пока не вернулась ваша новая подружка.

Чандра хотела было что-то возразить, но Эш уже вскочил с места и смешался с толпой, допивая по пути напиток.

Он понимал, что ведет себя как мерзавец, но ничего не мог с собой поделать. Продолжать этот дурацкий разговор ему совершенно не хотелось. Уиллис с Чандрой прекрасно знали, что он не любит болтать о своей личной жизни, но о превспоминаниях Эш им не рассказывал, так что они наверняка считали, что он просто чересчур раним в этих вопросах.

Однажды Зора спросила, почему он держит своих лучших друзей в неведении.

– Они ведь не просто друзья, – заметила она. – Вы – одна команда. Папа всех вас привез из прошлого, чтобы вы действовали сообща. Они должны знать, что с тобой происходит! Они этого заслуживают!

Конечно, она была права, но Эш только пробормотал что-то о том, что не хочет их волновать – и торопливо сменил тему. Отчасти это была правда, но была и еще одна, более эгоистичная причина. Эшу совсем не хотелось проводить последние недели на Земле под прицелом сочувственных взглядов и, входя в комнату, всякий раз переживать, не о нем ли сейчас говорили. Если превспоминания правдивы и ему и впрямь осталось всего несколько недель, он хотел сполна насладиться каждым днем.

Он осушил бокал, поставил его на барную стойку и кивнул Леви.

Как ни досадно было это признавать, но его мысли вновь вернулись к той самой невесте. Нашла ли ее Зора? Смогла ли убедить ее вернуться? Поверила ли Дороти ее рассказам о путешествиях во времени? Пока Леви шел к нему, Эш не мог отвести глаз от двери в уборную, представляя, как Дороти изучает свое отражение в зеркале и брызгает водой себе в лицо.

Интересно, она уже успела посмотреть в окно?

7. Дороти

Дороти отыскала уборную, скользнула внутрь и плотно закрыла за собой дверь, приглушив шум таверны. Выдохнув, она открыла кран, набрала в ладони воды и брызнула себе в лицо. С самого прибытия сюда ей казалось, что она вся в грязи, а кругом – сплошные сырость и плесень.

Дороти выпрямилась. С ее лица струями стекала вода. Она остановила взгляд на окне, которое соседствовало с раковиной. Шторы на нем были плотно задернуты.

«Выгляни наружу, – пронеслось у нее в памяти. – Доверься мне».

Она невольно нахмурилась, вспомнив издевательскую усмешку Эша. Впрочем, ей было бы легко очароваться, не веда себя Эш как мерзавец. Мотыльки вновь закопошились у Дороти в животе. Ох уж эти дурацкие мотыльки!

Она вытерла лицо рубашкой. Неужели он решил, что она не выглянет в окно? Будто ее так напугали их рассказы, что ей даже подумать об этом страшно?

Она покосилась на дверь ванной, представляя, как Эш сидит за столом в окружении друзей и смеется над ее наивностью. *Путешествия во времени*. Ну и сказочки!

Собравшись с духом, она отдернула занавеску. Пол под ногами покачнулся. Дороти торопливо схватилась за раковину, пока ноги не подкосились.

– Ого! – изумленно прошептала она.

Она увидела свет.

Вот только совсем не такой, к какому она привыкла. Этот был мощнее и ярче, и лишь чуть погодя она поняла почему, разглядев, что это лучи закатного солнца отражаются от стеклянных небоскребов и огромных зданий с сотнями окон...

Наполовину погруженных в серую, точно сталь, воду.

Дороти зажала рот дрожащими руками. Казалось, город растет прямо из воды, точно огромная водоросль. Ничего подобного она в жизни не видела. Она подошла поближе к окну, которое тут же запотело от ее дыхания.

Видимо, что-то случилось – что-то очень страшное, – и весь город ушел под воду.

Но стоило этим мыслям пронестись у нее в голове, как она заметила, насколько изменился город, который она так хорошо знала. Теперь здания в нем теснились друг к другу и тянулись высоко в небо, до самых облаков. И их было просто не счесть! Никогда еще Дороти не видела столько построек разом.

Город изменился до неузнаваемости. От него, говоря откровенно, мало что осталось.

Впрочем, это было не совсем так. Над водой темнела хитрая сеть из многочисленных мостов. А вдоль нее тянулись лестницы, и Дороти, проследив за ними взглядом, заметила, что они соединены с шаткими деревянными двухэтажными переходами, темневшими прямо над окном, из которого Дороти смотрела.

Пока она разглядывала эти причудливые конструкции, из дома напротив выбрался человек, торопливо поднялся на мост и вскоре исчез за углом. Дороти высунула голову на улицу, чтобы получше разглядеть, куда он направился, но его уже и след простыл.

Она засмеялась – тихонько, еле слышно. Интересно, что же тут произошло? И почему тот незнакомец покинул дом через окно, а не через дверь? Она посмотрела на волны, плещущиеся внизу. «Неужели нижние этажи затоплены?» – пронеслось в голове. Казалось, что это никак невозможно, но зачем тогда нужны все эти мосты, причалы и лестницы?

Дороти прижала руку к груди. Сердце вдруг стало невесомым и затрепетало, точно птичка. Голова закружилась, и она вдруг подумала, что, наверное, умирает. Время замедлилось настолько, что перед глазами отчетливо проступило все до мельчайших, казалось бы, совсем не значимых деталей. Вот мимо нее пролетела какая-то яркая обертка. А вот уже взгляд заце-

пился за одинокую сосну, торчащую прямо из воды. Ствол у нее был белый, точно измазанный мелом.

Дороти подергала щеколду на окне. Ей вдруг подумалось, что лучше вернуться к столу и упросить Зору и Эша рассказать ей, что тут происходит.

Но пока она думала об этом, ее руки решительно распахнули окно.

8. Эш

– Еще по одной? – уточнил Леви, и не успел Эш ответить, как он уже достал из-под большой крышки, служившей барной стойкой, бутылку с прозрачным напитком и наполнил бокал. Эш потянулся было за кошельком, но бармен только поморщился.

– Лучше сразу пистолет доставай, дружище. Ты же знаешь, отец наотрез отказывается брать с тебя деньги.

Эш опустил руку. Из глубины бара ему приветливо помахала морщинистой рукой составившаяся копия Леви – его отец Данте. С тех пор как Эш подарил старику громоздкий квадратный телевизор, который теперь висел на стене над баром, беззвучно транслируя новости, Данте не позволял ему платить за выпивку. А телевизор этот Эш умыкнул из конца двадцатого века во время одного из своих путешествий. После землетрясения хорошей техники было днем с огнем не сыскать.

Леви подтолкнул бокал, и он заскользил к Эшу, немного расплескав жидкость по пути. Эш благодарно кивнул.

– Что-нибудь слышал?

– Несколько лодок. Близко они не подплыли, но ведь еще рано. Сам знаешь, Черный Цирк звереет только после наступления темноты.

Черным Цирком звалась местная банда. Одни считали их надеждой этого мира, другие – безжалостными террористами. Второй вариант казался Эшу более вероятным – он даже не раз ставил на него деньги.

Нахмурившись, Эш поднес липкий бокал к губам.

– Аж несколько? – уточнил он. Появление даже одной лодки было поводом для беспокойства.

Леви пожал плечами, достал из кармана фартука грязное полотенце и принялся вытирать разлитый напиток.

– Это еще не самое страшное. Угадай, кого сегодня видел мой папаша, пока прогуливался в окрестностях Фейрмонта?

Эш с трудом сдержал шумный вздох. Кажется, сегодня уйти от этой темы не получится.

– Квинн Фокс, – предположил он. Это имя оставило на языке горький привкус, и Эш поспешил запить его Дантовым самогоном, который тут же обжег ему горло и полыхнул где-то в животе беспощадным пламенем, но на лице Эша не дрогнул ни один мускул. Он хорошо знал, что Леви запросто может вытолкать из бара посетителя, которому не нравится напиток, приготовленный Данте.

– Посреди бела дня! – присвистнув, уточнил Леви. – Ты слышал, что на минувшей неделе она кого-то убила *ложкой*? Вот так...

Леви изобразил, как тычет кому-то в глаз ложкой, и издал мерзкий хлюпающий звук. Эш вскинул брови, стараясь сохранять невозмутимость. Он и сам не понимал, отчего ему так не нравятся эти истории о Квинн. Он знал, что люди питают к ней интерес, без конца судачат о том, почему она никогда не снимает капюшон (*уродливый шрам? губы запачканы кровью?*) и как ей удалось так быстро пробиться в лидеры Черного Цирка. Он знал, что в глубине души горожанам нравится сплетничать о ее жутких преступлениях. Эш понимал, что это во многом способ примириться с этой страшной напастью, но разделить это стремление не мог.

Квинн вызывала у него опасения, но не более того. Для него она была символом того, как низко пал их город.

– Поговаривают, она тут кое с кем дружбу свела, – сказал Леви, искоса глядя на Эша. – Слыхал, с кем?

Эш ответил ему резким полукивком. Да, про эти сплетни он знал прекрасно.

Данте вдруг вскинул руку, призывая посетителей к тишине, и уставился на телевизор. Изображение на экране зарябило, зависло, а потом и вовсе исчезло.

Вместо него появились две мрачные фигуры. Их лица скрывали капюшоны, а за спинами у них развевался потрепанный американский флаг. На плаще одного из них была нарисована ворона. У другого – лиса.

– Помянешь черта – так он тут как тут, – процедил Эш.

Леви изумленно вскинул брови.

– Так это она?

– Да, – подтвердил Эш, и нутро его сковал ледяной ужас. Ежевечерние обращения «циркачей» давно пользовались популярностью, но он никак не мог привыкнуть к их появлению на экране своего телевизора.

– А обязательно вообще смотреть эту чушь? – спросил Эш.

– Шутишь, что ли?! – спросил Леви. Даже ярые противники Цирка с огромным интересом следили за вечерними обращениями. Леви прибавил громкости.

– Друзья! – сказала Квинн. Ее голос, как и всегда, передавался со страшными искажениями и больше напоминал голос робота, чем человека. – Не пытайтесь перенастроить свои телевизоры. Мы взломали систему, и сейчас нас показывают по всем каналам. При этом отследить нас невозможно. Хочу обратиться к вам в это непростое, страшное время. Минуло уже два года с тех пор, как Каскадское землетрясение уничтожило наш некогда великий город. С тех пор погибло почти тридцать пять тысяч человек, правительство отвернулось от нас, простых граждан, а насилие и хаос завладели нашими водами!

– Ох, кто бы говорил про насилие, – проворчал Леви. Он скользнул рукой под барную стойку, и Эш заметил, как его пальцы сжались на рукояти бейсбольной биты, которую он там прятал. Вечерние обращения записывались заранее. В этот час Черный Цирк наверняка уже бродил по городу в поисках «новобранцев» – именно так они называли тех, кого похищали и силой заставляли примкнуть к своей банде. В таверну Данте они пока не врывались, но это был вопрос времени.

Эш посмотрел на костяшки своих пальцев. Он попытался было отвлечься от обращения, но голос Квинн никак не шел у него из головы.

– Этого можно было избежать, – продолжала Квинн. – Как можно избежать и новых смертей.

В баре повисла тишина. Все посетители до единого неотрывно наблюдали за экраном. Землетрясение помнил каждый. Все потеряли в этой катастрофе кого-нибудь из близких.

На экране вдруг появилась фотография Профессора. Краем глаза Эш заметил темные с проседью волосы своего наставника и его мягкую улыбку. Последний год циркачи постоянно показывали именно этот снимок.

– Этот человек раскрыл тайну путешествий во времени, – продолжала Квинн. – Он способен вернуться в прошлое и в корне изменить нашу судьбу. Он без труда мог бы отправиться в канун землетрясения, уничтожившего наш город. Мог бы спасти тысячи жизней. Но отказывается это сделать. Мы, члены банды Черный Цирк, считаем, что один человек не имеет права вершить судьбу человечества. Мы считаем, что у каждого есть право на прошлое и на то, чтобы его изменить. Вступайте в Черный Цирк! Путешествия во времени помогут нам построить счастливое настоящее и блестящее будущее! Вступайте в Черный Цирк – и вместе мы создадим новый, прекрасный мир!

Эш почувствовал, как все его мышцы напряглись, стоило ему услышать эти слова. Многие годы людей так отпугивали агрессивные методы циркачей, что они и не прислушивались толком к их проповедям, но теперь ситуация изменилась. Эш и сам не раз слышал разговоры о том, что в планах Черного Цирка есть здоровое зерно – возможно, и впрямь *стоит* отыскать Профессора и заставить его спасти мир.

Вот только эти люди не имели ни малейшего понятия о том, как опасны путешествия во времени и как они непредсказуемы. Не знали они и то, что любое изменение, пускай и крошечное, повлияет на весь ход истории и принесет горя больше, чем побед.

Фотография Профессора исчезла, и изображение на экране снова застыло. На гостей уставились две мрачные фигуры, вызывавшие ненависть и смутную тревогу.

– О, так это он, да? – уточнил Леви, разглядывая парня, стоявшего справа от Квинн. – Это...

– Да, это он, – подтвердил Эш и прикусил губу, рассматривая худенького юношу с вороной на груди. Не важно, что его лицо скрывал капюшон, а свет был выставлен так, что циркачи оставались в тени. Эш узнал бы Романа всегда и везде.

Он тут же мысленно перенесся в другой бар. Ему вспомнилось, как он хохотал над какой-то забавной историей, рассказанной Романом, – хохотал до упаду, то и дело давясь пивом. Вспомнилось, как он сделал вид, что не замечает, как Роман гладит Зору по ладони и потом долго не убирает руки.

Уже тогда он был вороной: хищно наблюдал за всем и вся. Собирал тайны, точно обрывки цветной бумаги. Когда-то он был их верным другом. И союзником.

А потом предал их всех, примкнув к циркачам.

Бортовой журнал

3 декабря, 2073 год

11:50

Кампус при Академии продвинутых технологий Западного побережья

Хорошие новости: мы все живы. Зора и Наташа еще не отошли от потрясения, но все целы.

Поговаривают, что мощность землетрясения, случившегося на прошлой неделе, составила 6,9 балла по шкале Рихтера. Это самое сильное землетрясение, что только случилось в Сिएтле по меньшей мере за последние полвека!

Утром я наконец добрался до мастерской. Судя по всему, «Вторая звезда» выстояла. Книжные полки упали и перевернулись, а повсюду разбросаны инструменты, но крупных поломок я не заметил.

О жертвах пока не сообщалось. Впрочем, город потерпел огромный ущерб: уничтожено немало домов, многие деревья выдраны с корнем, провода сорваны. В АПТЗП, да и в округе, электричество есть, но нам просто повезло. Я ходил в центр сдавать кровь и заметил, что в домах царит мрак. Зрелище, прямо скажем, жуткое.

Честно говоря, я сомневался, стоит ли продолжать исследование посреди этого хаоса, но вчера я поговорил по видеосвязи с доктором Хельмом (он возглавляет АПТЗП), и он убедил меня не останавливаться. Миру нужна надежда! Наука – наше будущее! Ну и так далее. Доктор Хельм связался с НАСА, и, судя по всему, отныне они будут помогать мне с проектом. Он считает, что моя задумка слишком масштабна для одной нашей академии.

«Сотрудничество с НАСА значит приток средств, – сказал он. – Вы сможете разработать полноценную программу путешествий в пространстве и времени вместе с самыми светлыми умами нашего поколения».

Само собой, он прав, и, должен признать, я очень рад, что работа над проектом продолжится. Но куда больше толку было бы, если б я нанял кого-нибудь из Палаточного городка.

О Палаточном городке стоит сказать особо. Университет выставил палатки на прошлой неделе. Тысячи людей лишились крова из-за землетрясения. Городские приюты переполнились в два счета, но их все равно не хватило на всех, поэтому университет поставил на территории кампуса ярко-красные палатки. Сейчас их уже десятки. Подойдешь к окну кабинета – а за ним, куда ни глянь, все алое!

И вот на днях я пошел через этот городок в главный корпус на совещание и увидел у одной из палаток мальчика, который возился с компьютером. Лет ему было четырнадцать-пятнадцать, не больше, но он отслеживал движение тектонических плит.

Я поинтересовался, не проще ли оценивать сведения по нейтральной сети, но он посмотрел на меня так, будто мне десять тысяч лет, не меньше.

– Это я уже сделал, – сообщил он. – А сейчас я использую ускоренный графический процессор на «Пайтоне», но мой компьютер больше чем на десять петафлопов не разгоняется: железо слабовато.

Я остановился поболтать с ним о его программе, даже попытался было помочь ему ее ускорить, но куда мне угнаться за юным гением! Он ищет способ предсказать сейсмическую активность до того, как ее зафиксирует сейсмометр. И это просто восхитительно! Я сказал ему, что в АПТЗП есть целая кафедра сейсмологии и что ему обязательно надо туда поступать после школы.

Но он посмотрел на меня как на круглого дурака и сказал:

– После того, что случилось, я ее вряд ли закончу.

Тогда-то до меня и дошла страшная мысль, что землетрясения на корню разрушают людские судьбы. Как вообще можно заигрывать с прошлым, если в настоящем царит такая неразбериха?

Ответа на этот вопрос у меня пока нет. Но ассистента я, кажется, нашел.

Понимаю, что сотрудники НАСА едва ли придут в восторг, узнав, что для исследования, которое вполне может обернуться самым крупным научным открытием со времен высадки на Луну, я нанял четырнадцатилетнего недоучку. Вот только Роман Эстрада – превосходный программист, он один стоит половины ученых с кафедры математики, так что НАСА придется с этим смириться.

Этот мальчик вселяет в меня надежду.

9. Дороти

14 октября, 2077 год, Новый Сиэтл

На памяти Дороти Сиэтл всегда пах дымом и лошадьми. Но теперь, набрав полные легкие воздуха, она вдруг ощутила привкус соли. Под ней тянулся небольшой водный путь – между двумя полузатонувшими зданиями с покрытыми граффити стенами. Над головой изгибались арками ветхие деревянные мосты, с которых сыпался всякий сор, стоило людской толпе их пересечь.

Дороти вскинула голову и прикрыла глаза от яркого закатного солнца. Сквозь щели в досках она видела подошвы ботинок, кончики пальцев, потрепанные сумки, болтавшиеся на уровне пояса. Прохожие, казалось, ужасно торопились. Дороти невольно задумалась, куда они направляются. Ходят ли местные жители на работу? Или, может быть, они спешат к своим семьям? Есть ли тут школы? Она зачарованно наблюдала за ними, а потом резко отскочила, когда по ногам ее неожиданно ударила струя воды. Мимо пронеслась странного вида лодка, а мотор у нее ревел, точно дикий зверь.

Сердце застучало быстрее. «Восхитительно!» – подумалось ей, несмотря на испуг. Едва ли кто-нибудь из ее знакомых видел в своей жизни что-то подобное. В тот миг она даже пожалела, что у нее на затылке нет еще одной пары глаз. Она даже закружилась вокруг своей оси, жадно следя за происходящим, чтобы ничего не упустить.

Пока она шла вдоль причалов, на воде появлялись все новые лодки. Некоторые из них, маленькие и легкие, проносились по каналу с такой скоростью, что у Дороти аж шея заболела от тщетных попыток за ними уследить. Но были тут и другие «суда» – большие, неповоротливые, собранные из всякого хлама: из старых шин, кусков двери, шкафчика с вынутыми ящиками, перевязанных толстой веревкой.

Дороти бросила взгляд на окно таверны и пообещала себе, что далеко не уйдет. Просто за угол заглянет – только и всего. Самое большее – прогуляется один квартал. И тут же вернется – никто и не заметит ее исчезновения.

Чем сильнее она углублялась в город, тем заметнее становилось, как теснятся друг к другу здания. Сталь и стекло, которых тут было в изобилии, отражали свет так ярко, что Дороти пришлось прикрыть глаза рукой. Под распахнутыми окнами висели самодельные вывески скобяных лавок, продуктовых магазинов, закусочных. Дороти вспомнились многочисленные рассказы матушки о неблагополучных пограничных городках, где царит беззаконие и куда со всей страны съезжаются люди в поисках легкой наживы. Пока она шла мимо магазинчиков, она успела уловить обрывки недовольных разговоров покупателей с продавцами.

– Двадцать долларов за пакет молока! – воскликнул мужчина. – Да это же безобразие!

– Ничего свежее вы все равно не найдете. Если только в центре, но мы-то на западе, – ответила продавщица. Мужчина что-то пробурчал и протянул ей смятые банкноты.

Солнце уже начало опускаться за горизонт, разливая по воде ослепительные лучи света и играя яркими бликами на окнах, и город точно приукрасился золотой каймой. Дороти взобралась на самый высокий мост и, прикрыв глаза ладонью, всмотрелась вдаль, пытаясь понять, насколько простирается этот лабиринт каналов, мостов и зданий. Но границы так и не увидела. Казалось, город бесконечен.

Опустив голову, она вдруг заметила длинную вереницу черных как уголь палаток – они были нарисованы на кирпичной стене чуть поодаль, а между картинками красовалась надпись:

«У всех есть право на прошлое! Вступайте в Черный Цирк!»

Краска, которой была выведена эта надпись, стекала по стене прямо в воду, и цветные капельки растекались в ней, напоминая маленькие цветы.

Дороти опустила взгляд, гадая, что же таит под собой водная толща. На поверхность пробивались какие-то водоросли с уродливыми желтыми соцветиями. По водной глади побежали барашки – видимо, неподалеку проплыла очередная лодка. Дороти шагнула поближе к воде и вытянула шею, вглядываясь в мрачные волны.

Она разглядела, что дно завалено всяким громоздким хламом. Различила очертания почтовых ящиков. Каменную скамейку. Какие-то машины, оплетенные водорослями и устройством своим лишь отдаленно напоминавшие автомобиль из гаража Эйвери. Уличные знаки, тоже поросшие водяными растениями.

Дороти опустилась на колени и склонилась над самой водой, зачарованно всматриваясь в нее. Подумать только, а ведь эти волны скрывают целый мир! Как это страшно... но как прекрасно!

Она вдруг заметила, что из окна затонувшего автомобиля выплыло что-то вытянутое и желтое, и сощурилась, силясь это разглядеть. Наверное, тоже водоросль? Она с интересом подалась вперед. Вода под ней пришла в движение, а вместе с ней и загадочный объект. Теперь она отчетливо увидела, что заканчивается он тоненькими отростками, и невольно нахмурилась. Очень уж это походило на...

Рот вдруг наполнился горечью. На *пальцы*. Она видит фрагмент скелета, человеческую руку, давно лишившуюся кожи. В памяти тут же вспыхнул разговор с Эшем на поляне за церковью.

«– Поверьте, мой пункт назначения вам совсем не понравится.

– Да откуда вы знаете?!

– Такое не нравится никому».

Дороти сжала руку в кулак и закусила его, чтобы не вскрикнуть. Отпрянув от края, она вскочила, едва не потеряв равновесие, и кинулась прочь. На дне канала лежит покойник! И, вероятнее всего, не один!

Она закружилась на месте, силясь вспомнить, в какой стороне таверна. У первого моста она свернула налево, потом направо, а потом... *проклятье!* Слишком далеко она забрела! Бесполезно! Теперь ей никак не вернуться без помощи!

Тут она заметила, что по мосту впереди идут две девочки и о чем-то оживленно спорят. Она кинулась к ним.

– Ну подумаешь, всего пять минут! – сказала одна.

– Смеешься, что ли? – фыркнула вторая. – Маме моей об этом скажи! Если я опоздаю хоть на минуточку, она тут же решит, что меня Фокс сожрала!

Первая девочка понизила голос и спросила:

– Ты и впрямь веришь, что Квинн Фокс – людоедка?

– Ну... Брайан рассказывал, что остальные циркачи даже говорить с ней боятся, потому что у нее изо рта вечно пахнет кровью!

– Боже... какая гадость!

«*Людоедка...*» – с ужасом повторила про себя Дороти, вспоминая историю, рассказанную Эшем. Неужели он не соврал?

– Прошу прощения!.. – крикнула она девочкам. Они не обернулись, но Дороти заметила, как напряглись их плечи. Они взяли за руки и зашагали быстрее. – Стойте! – крикнула Дороти, но девочки торопливо спустились по лестнице, запрыгнули в окно и поспешно его закрыли, недобро покосившись на нее.

«Дружелюбием тут и не пахнет», – нахмурившись, подумала Дороти и пошла дальше по шатким доскам. В городе стремительно темнело, и по спине у нее пробежал холодок. Еще недавно кругом сновали люди, но теперь Сиэтл будто вымер. Дороти прислушалась, силясь уловить голоса, но услышала лишь шум волн, бьющихся о стены домов, да вой ветра в белых ветвях деревьев.

Но во мраке вдруг вспыхнул огонек – неверный и какой-то мутный. Сердце у Дороти так и подскочило. Наконец послышались долгожданные голоса: кто-то смеялся и оживленно переговаривался. А потом разнеслось несколько громких хлопков.

Дороти так и застыла на месте. Она прекрасно знала этот звук. Он часто слышался в окрестностях сомнительных питейных заведений, в которые они с матерью иногда наведывались.

Выстрелы!

Огонек начал приближаться. Дороти различила впереди очертания лодки, вот только плыла она с невероятной скоростью – скорее даже летела над водой! Девушка инстинктивно метнулась в тень и вжалась спиной в кирпичную стену, чтобы ее не заметили. Она вмиг стала вся точно оголенный нерв.

На борту странного вида лодки с мотором стояла группа незнакомцев. Все они были одеты в темные плащи из блестящей и с виду очень мягкой ткани. Их лица скрывали большие капюшоны, отороченные мехом. На спине у каждого висело оружие: луки, топоры, дубинки. Дороти не знала что и думать. Оружие было, казалось, позаимствовано у древних варваров, а вот одежда удивляла: ничего подобного Дороти в жизни не видела.

На носу лодки, уперев ногу в край борта, стоял человек. Роста он был невысокого, в одной руке держал фонарь, а в другой – блестящий пистолет. Оружие снова выстрелило, и Дороти поморщилась. Незнакомец откинул голову назад и победно заулюлюкал, размахивая пистолетом.

«Да он же совсем еще мальчишка, – подумалось Дороти. – Уж точно не старше меня».

С шумом разрезая воды, лодка стремительно приближалась. Брызги окатили Дороти с головы до ног, но она и шелохнуться боялась, а уж стереть капли с лица – тем более. Незнакомцы в капюшонах, по всей видимости, не заметили ее. Они проплыли мимо и начали углубляться в город. Свет их фонаря отдалялся и становился тусклее, но Дороти все равно не двигалась с места.

Ее сердце сковал ужас, а колени предательски задрожали. Никогда еще в жизни она не встречала ни таких лодок, ни тем более людей. Казалось, они вовсе не настоящие, а взялись из какой-то сказочной истории.

«Путешествия во времени», – пронеслось у нее в голове, и по хребту точно пробежали чьи-то ледяные пальцы. Впервые с той самой минуты, как она выбралась из окна таверны, Дороти поняла, что это вовсе не игра. И не веселое приключение. Она в этом странном и опасном мире чужая и не имеет ни малейшего понятия о том, по каким законам живет этот мир. Мало того, она, как последняя дурочка, убежала от людей, которые – единственные из всех! – хотели ей помочь! Дороти нервно скрестила руки на груди.

А потом бросилась бежать по мостам и переходам, судорожно ища указатели или таблички – любые ориентиры, по которым можно вернуться в таверну. Но в хитросплетении улиц это оказалось не так-то просто.

Прохладный ветерок взметнул кудряшки у нее на затылке, и Дороти поежилась. В вечернем мраке белые деревья напоминали паутины. Весь город походил на диковинное живое существо, пожирающее останки своего погибшего предшественника.

Дороти свернула за угол и увидела впереди, у края причала, юношу. Он стоял к ней спиной, а ветер играл полами его плаща.

На нее вдруг нахлынула волна облегчения.

– Добрый вечер! – крикнула она.

Парень обернулся. На смуглом лице блестели пронзительно синие глаза. Черные волнистые волосы были зачесаны назад. На груди красовался рисунок – белая ворона.

Дороти вдруг охватило странное чувство, описать которое было на удивление сложно. То был не вполне страх и не совсем узнавание. Но Дороти рефлекторно попятилась, хотя вовсе не собиралась этого делать.

Но вдруг парень улыбнулся, и его лицо преобразилось. Теперь он выглядел точь-в-точь как главный герой романтической пьесы. И хотя Дороти никак не могла назвать себя романтической девушкой, но если бы ее попросили вообразить парня своей мечты, она непременно представила бы себе в точности такого юношу – вплоть до ямочки на подбородке! Казалось, он явился в этот мир прямиком из ее грез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.